

<http://shilova.kkino.ru> криминальная мелодрама

Юлия ШИЛОВА

Всегда в центре внимания!

Растоптанное счастье,
или Любовь, похожая
на стон

Юлия Витальевна Шилова

Растоптанное счастье, или Любовь, похожая на стон

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132972

Юлия Шилова Растоптанное счастье, или Любовь, похожая на стон:

Эксмо; Москва; 2007

ISBN 5-699-14844-2

Аннотация

Они так мечтали о счастье, Светлана и ее верная подруга Наталья. О нормальном женском счастье – чтобы их избранник любил и заботился, понимал душевные порывы и ценил ответную заботу. А что получается? Вроде бы вот оно, счастье, совсем близко, но мужчина Наташкиной мечты поманил, наобещал золотые горы, но оказался мошенником и вором! А у Светланы и вовсе положение хуже некуда – Илья, президент крупной компании, красавец-мужчина, угрожает ей тюрьмой... А дальше все совсем путано: убийство, поджоги... и в конце концов свадьба! Светлана наконец счастлива. Надолго ли? Ведь фортуна – дама капризная, а завистников кругом немало...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	38
Глава 3	59
Глава 4	78
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Юлия Шилова

Растоптанное счастье, или Любовь, похожая на стон

Этот роман мне хочется посвятить моему любимому герою за проявленное терпение. Моим критикам и друзьям. Всем тем, кто неравнодушен к моему творчеству. Всем тем, кто приложил свои усилия для того, чтобы этот роман вышел в свет. Я бесконечно благодарна им за то, что они умеют меня приободрить, протянуть руку помощи, обеспечить свою поддержку, когда я очень сильно в этом нуждаюсь, а иногда и подстегнуть, чтобы я ни в коем случае не останавливалась.

Спасибо тем, кто помогает этому механизму работать, набирать обороты, и... тем, кто ставит палки в колеса.

Юлия Шилова

Все события, имена и герои этого романа вымышлены и придуманы автором. Любые совпадения являются случайными, хотя иногда...

Пролог

Я уже и сама не знаю, в какой по счету раз ты предлага-

ешь мне выйти за тебя замуж. Приезжаешь, смотришь в глаза, даришь цветы и говоришь банальную фразу: «Выходи за меня замуж».

Раньше ты делал мне предложение чуть ли не каждый день, а в последнее время уже редко, и в твоих словах появляется какая-то усталость. Я понимаю – ты просто устал ждать.

Ты хочешь от меня слишком многого, намного больше того, что я могу тебе дать. Ты требуешь от меня полной самоотдачи, отказа от выстраданной независимости, самопожертвования и разговоров о вечной любви. Ты считаешь меня непостоянной, расчетливой, амбициозной, в какой-то мере стервозной и говоришь, что я напрочь лишена романтики. И, несмотря на все это, ты по-прежнему хочешь взять меня замуж... Милый, ведь ты противоречишь сам себе! Но все свои противоречия ты объясняешь тем, что любишь меня.

Я люблю смотреть на тебя в тот момент, когда ты начинаешь злиться. Я совсем не такая, какой ты хочешь меня видеть, и уж я-то хорошо это знаю. Ты просто меня придумал. Я совсем нерасчетливая. Наверное, я стала взрослой, а ведь если я вырасту, то, значит, набираюсь мудрости, а чем больше я вырасту, тем все меньше и меньше у меня остается романтики. А расчет – это так... непростой опыт моей жизни. Извини, милый, но я тут не виновата. Видимо, я видела жизнь с совсем другой стороны – не с той, с которой ее видел ты.

Ты у меня замечательный, и я никогда не забываю говорить тебе об этом. Пойми – мы с тобой слишком разные. Даже выросли мы в разной среде: ты всегда рос в достатке, в прекрасно обеспеченной и интеллигентной семье, а я же... я же всегда была ребенком, которого воспитала улица, – хулиганистой девчонкой с содранными коленками и разбитым носом, в стареньком платье. В то время как ты сидел в библиотеке с энциклопедией в руках и таким образом познавал мир, я носилась во дворе с друзьями-мальчишками, строила баррикады и совсем другим образом познавала улицу. К обеду за тобой приезжала дорогая машина с водителем твоих родителей. Ты садился на кожаное сиденье и ехал в дорогой ресторан, потому что в твоей семье заведено обедать и ужинать в ресторанах, а также встречать в них праздники. Водитель и охранник были неизменными атрибутами твоего детства, прочно вошли в твою жизнь, и их присутствие стало в порядке вещей. Наверно, именно поэтому мне никогда не понять твое детство. В то время, когда за тобой приезжал водитель и вез тебя на обед, я прибегала домой, получала от матери нагоняй за содранные до крови коленки, мазала их зеленкой, отказываясь от обеда по причине того, что мне опять нужно на улицу. Я хватала со стола кусок хлеба, поливала его подсолнечным маслом, посыпала солью и счастливая оттого, что в моих руках божественная, по моим меркам, пища, вновь выбегала из дома. В летнее время ты отдыхал на закрытой даче своих родителей, а иногда выезжал за грани-

цу, для того чтобы набраться новых впечатлений и получить добротный заряд энергии перед новым учебным годом. Я же весь летний период разносила почту или мыла полы в больнице, чтобы заработать себе на новую юбку. А затем в твоей блестящей биографии появился один из самых престижных вузов, который ты, конечно же, окончил с красным дипломом. А в моей... В моей биографии ничего не меняется. Я не смогла учиться, потому что не сумела жить на стипендию, и всю жизнь мне пришлось очень много работать.

Ты был слишком воспитанным ребенком, которого окружали теплотой, заботой и вниманием близкие люди. Я же, наоборот, была предоставлена сама себе. Моя мама до сих пор говорит о том, что я всегда была неуправляемой, чересчур упрямой, сверхсамоуверенной и непокорной. Она с ужасом вспоминает историю, как один раз во дворе я подралась с одним не понравившимся мне мальчишкой и, подняв с земли камень, разбила ему голову так, что его тут же увезли в больницу, где наложили швы. Я была слишком своевольной, и все же моя мама ценила мой крутой нрав и сделала все возможное для того, чтобы не сломить мой характер.

Милый, только не подумай, что в моих словах есть хоть какая-то доля упрека. Совсем нет! Во мне присутствует гордость за то, что ты родился в такой семье, за то, что ты получил прекрасное образование и воспитание. Я говорю это потому, что, если бы мы встретились с тобой раньше, я бы считалась девушкой не твоего круга. А сейчас эти различия

не видны, но иногда они все же проскальзывают, и бывают моменты, когда ты сам это чувствуешь, хотя никогда не признаешься в том мне.

Ты не любишь ходить босиком, потому что от этого пачкаются ноги. А я же, наоборот, люблю скинуть свои шпильки и пройти по горячему асфальту, получая от этого только мне одной понятное удовольствие. Ты не представляешь, как можно есть пиццу руками, и всегда делаешь мне замечание по поводу того, чтобы я немедленно взяла вилку с ножом. Тебе не нравится, что я громко смеюсь, что в моем голосе слишком много кокетливых ноток и что в моих глазах странный блеск. Ты ревнуешь меня к каждому встречному, а затем сам раскаиваешься за свою ревность.

Ты всегда удивлялся тому, как я часто меняюсь и как за считанные секунды из звонко смеющейся дрянной девчонки умею превращаться в холодную и даже чересчур серьезную женщину. Ты знаешь меня слишком давно и видишь, что с годами я обретаю все большую и большую мудрость. И я так хочу воспользоваться ее плодами, пока у меня еще есть время, пока у меня еще есть запас сил, пока я еще упиваюсь каждым мигом своей жизни, которая несется таким бурным потоком, что у меня даже минуты нет, чтобы оглянуться назад.

Я не могу рассуждать о вечной любви, потому что уверена: вечной любви не бывает. Это прекрасная сказка, придуманная кем-то для собственного успокоения. Я считаю так:

если человек успокаивается, он обязательно теряет свою любовь, потому что любовь – это борьба, в ней обязательно нужно совершенствоваться, за нее нужно бороться и никогда не опускать руки. Любовь слишком капризная дама, и уж если кто и отличается завидным непостоянством, так это она. Она предает тебя тогда, когда ты меньше всего этого ждешь, когда чересчур в ней уверен. Она всегда дожидается момента, когда ты будешь слаб, чтобы нанести тебе удар из-за спины. Это не я, это она такая.

Ты часто говоришь мне, что так, как я, жить нельзя, что человек должен во что-то верить и хоть иногда отдаваться во власть того, кто находится рядом. Я пытаюсь с тобой соглашаться, но мое внутреннее «я» не позволяет мне это сделать.

Милый, ты зачастую упрекаешь меня в том, что я не умею любить, что я по-настоящему никогда не любила и не плакала, скорбя о любви. Ты любишь класть голову мне на грудь и говоришь, что в моей груди очень тихо, потому что у меня нет сердца. Ты сравниваешь меня с замороженным шампанским и говоришь, что я всех опьяняю, но сама остаюсь холодной, как льдинка, которая почему-то никогда не тает, даже в самых горячих руках и самых жарких поцелуях. По ночам ты называешь меня Снегурочкой или Снежной королевой и вздыхаешь о том, что тебе никогда не растопить мой невидимый снег. Ты мечтаешь о том, чтобы я забрала все твои чувства, выпила тебя до самого дна и отдала тебе свой разум. А иногда... иногда ты не выдерживаешь, громко хлопаешь

дверью напоследок, прокричав мне, что я глубоко несчастна, потому что лишена высшего наслаждения в жизни – я не умею любить и не знаю, что это такое.

Но проходит время, и ты звонишь мне опять, сетуя на то, что у тебя не получается без меня жить. Ты не можешь спокойно жить, потому что знаешь, что Я ЕСТЬ, что я по-прежнему одна, потому, что я никогда не ищу чувств, я ищу ощущений, что я где-то же живу, гуляю в парке, решаю бытовые проблемы и, как и прежде, встречаю рассвет. Ты прощаешь мне то, что я не умею любить, по крайней мере до следующего раза.

И все же ты слишком много обо мне знаешь. Ты знаешь, что в моей сумбурной жизни были мужчины. Целый калейдоскоп мужчин. Шатены, брюнеты, блондины, толстые, худые, скряги, жадины и рубаха-парни. Они как-то незаметно сменяли друг друга, оставляя на моем сердце каждый свой шрам. И все же их чувства придавали моему существованию смысл.

А еще... Да, мы выросли в разной среде, я все же жалею о том, что мы с тобой не встретились несколько лет назад, когда я была совсем юной, наивной и улыбчивой девушкой. Ты даже представить себе не можешь, сколько во мне тогда было романтики! Если бы ты меня видел тогда, ты бы ни за что не поверил, что я это я и что я такой стала.

Мне никогда ничего не давалось легко. Я могла броситься в омут с головой, запросто пойти с понравившимся мне

молодым человеком хоть на край света, все разорвать в один миг, а при желании не задумываясь начать все сначала. Тогда я еще не умела сжигать... Тогда я еще так мечтала построить... дом, и я верила в то, что он обязательно будет надежный и прочный и что у него будет самый крепкий фундамент. Мне нравилось строить, ведь тогда я еще не знала и не могла знать, что это по большому счету никому не нужно и что, кроме меня самой, мой дом вряд ли кто-то оценит. Мне и самой не верится в то, что было такое время, когда я бросалась в любовное приключение с головой, отдавая всю себя без остатка, и мне было по большому счету неважно, сколько продлится любовь: день, два или месяц. Все, что я требовала от своих мужчин, – это дать мне возможность быть самой собой и оставаться свободной. Я жила безмятежно, наслаждаясь какой-нибудь короткой любовью, молодостью, солнцем и опьяняющим вином. Да, моим мужчинам всегда было со мной тяжело. Трудно иметь отношения с женщиной, которой море по колено и которой хочется всего сразу.

И вот однажды наступил переломный момент. Момент, когда какая-то горячо вспыхнувшая любовь вдруг угасла, а на новую у меня уже не было ни сил, ни желания.

С тех пор прошло много времени, и я стала той, с которой тебе довелось познакомиться и в которую ты без оглядки влюбился. Я обдумываю каждое слово, взвешиваю каждую фразу и тщательно обрабатываю в уме каждое свое действие. Я не могу сделать вид, что на меня не давит багаж прожитых

лет, и не скрываю от тебя того, что жизнь всегда была ко мне слишком жестока и было даже время, когда я чуть было с ней не распрощалась. Но я затем вовремя остановилась, поднялась с коленей и принялась жить дальше, несмотря на то что зачастую на моих глазах при воспоминаниях о прошлом появляются слезы.

Вот такой я тебе досталась. Именно такой тебе довелось меня узнать. Иногда я смотрю в твои серьезные глаза и понимаю, что ты вряд ли будешь со мной по-настоящему счастлив. Понимаю, что должна была бы дать тебе что-то большее, то, чего у меня уже нет, что безвозвратно умерло в прошлой жизни. Хотя иногда мне хочется попытаться... Мне хочется совершать те же поступки, которые я совершала много лет назад, и начать верить в то, во что я уже давно утратила веру. Ты же видишь, что я стараюсь! Я пытаюсь! Но опыт прожитых лет постоянно меня останавливает, заставляет одуматься и не совершать прежних ошибок. И это хорошо, потому что еще одно потрясение я уже не вынесу.

Мои взгляды на жизнь, мои принципы... Ты постоянно говоришь мне, что принципы для того и существуют, чтобы их нарушать. Дорогой, ты, как всегда, прав. Но если бы ты только знал, как выстраданы мои принципы, как тяжело они мне дались и чего мне стоили! Мое прошлое отняло у меня почти все душевные силы и оставило в сердце одни развалины.

Я не люблю вспоминать человека, которого любила еще до

того, как узнала тебя, потому что при этих воспоминаниях я испытываю боль, а я так устала от боли. Хотя, ты знаешь, и тут есть прогресс: сначала боль была острой, а теперь она стала тупой, но тем не менее она есть, от нее уже никуда и никогда не деться.

Я не люблю вспоминать свое бывшее жилище, где мне казалось, что мы с ним живем очень счастливо и искренне наслаждаемся друг другом. Ведь именно в той квартире мы вдруг поняли, что нам стало необъяснимо тяжело друг с другом, как физически, так и психологически.

Можно знать человека много лет и считать, что в нем можно быть уверенной до конца. И тут... Как страшно, когда в какой-то момент ты понимаешь, что, оказывается, ты совсем не знала этого человека, сама его приукрасила, видела в нем только хорошее и постоянно закрывала глаза на плохое, уверяя себя в том, что плохого в нем нет. И тут я с изумлением узнала его совсем с другой стороны! А затем корила себя: где же были мои глаза столько времени и с кем я пыталась строить – вернее, нет, даже уже построила – отношения. Я сделала большую и непростительную ошибку! Вернее, нет, совсем не так: я сделала слишком много ошибок и до сих пор расплачиваюсь за них все эти годы. Иногда я думаю: почему же так вышло, что я не узнала человека, с которым меня связывали прочные, на мой взгляд, отношения? Потому что он не раскрылся и утаил в себе свои самые отрицательные качества или, может быть, потому, что у меня просто не бы-

ло желания в нем разобраться? Я была слишком спокойна, а это значит, что я была слепа.

Я не хочу и не люблю об этом рассказывать. Зачем ворошить прошлое? Ведь многое из того, что у меня за плечами, ты знаешь... Многое, но далеко не все, потому что все обо мне невозможно узнать, я состою из сплошных тайн и загадок, которые не под силу разгадать даже мне самой.

И все же мой прошлый печальный опыт научил меня тому, что любое, даже самое сильное, чувство может угаснуть. И угаснуть навсегда. Я не люблю вспоминать о несбывшихся мечтах и утраченных надеждах, но эти воспоминания приходят помимо моей воли и не хотят уходить прочь. Когда мы любим, мы хотим, чтобы наша любовь была бесконечной, и верим, что она никогда не распрощается с нами. Но, я уже говорила тебе об этом, она слишком коварна и слишком жестока. Зачастую любовь уходит и оставляет на душе незаживающую рану. Но твои слова, твоя поддержка, твоя эмоциональная щедрость дают мне ощутимые силы и заставляют верить в то, во что я уже давно утратила веру.

Милый, я опять завелась – принялась говорить о том, что было, хотя мне хочется сказать о том, что у меня есть сейчас. Ты же знаешь, что я никогда ни о чем не жалею. Судьба подарила мне тебя, и я хорошо знаю, что в самую трудную минуту, несмотря ни на что, ты придешь ко мне на помощь. Я буду всегда благодарна своему ангелу-хранителю за нашу встречу, которая оглушила нас обоих и заставила по-

смотреть друг на друга широко открытыми глазами. Однажды я проснулась утром и поняла, что на земле есть человек, от которого не имеет смысла скрываться, потому что, куда бы я от тебя ни уехала, куда бы ни сбежала и куда бы ни скрылась, ты все равно меня найдешь и скажешь, как ты меня любишь.

Ты спрашиваешь иногда, не боюсь ли я тебя потерять, а я ищу ответ на твой вопрос и пытаюсь понять его смысл. Как я могу потерять то, что мне не принадлежит? Ведь я никогда не посягала на твою независимость! Я всегда давала тебе полную свободу, потому что как никто другой знаю, как она важна в отношениях между мужчиной и женщиной. Ты всегда поступаешь так, как считаешь нужным, и я ни разу не повлияла на твоё решение. Ты сам сделал свой выбор – захотел того, чтобы все твои решения были связаны со мной и я стала неотъемлемой частью твоей жизни. Ты, как и прежде, хочешь прогнать из моего сердца прошлые ошибки и научить меня жить ради любви, для любви и вокруг любви. Ты – неутомимый романтик, и от этого я дорожу тобой еще больше.

Благодаря тебе я начала вновь дышать. Я учусь видеть этот мир твоими глазами и испытывать те ощущения, которые испытываешь ты. Ты научил меня радоваться самым простым вещам: тому, что за окном светит солнце, распускаются цветы, идет дождь или что пушистыми хлопьями сыплет приятный на ощупь снег, который тут же тает на моих горячих

и влажных ладонях... В меня начала входить новая жизнь, которая совсем было угасла под натиском воспоминаний о моих прошлых неудавшихся отношениях. Я не без удовольствия позволяю тебе обо мне заботиться, помогать преодолевать неудачи, радоваться вместе со мной взлетам и закрывать глаза на мои жизненные падения. Я позволяю тебе жить для меня, и тебе самому это нравится. Ты готов раствориться во мне, но вместе с этим ты хочешь оставить что-то свое, где не было бы меня, – свой островок. И ты имеешь на это полное право. Ты знаешь, что в близких отношениях я всегда деликатна, никогда не нарушаю установленных между людьми границ и не посягну на твою территорию. Твое присутствие меня успокаивает, и я ощущаю себя желанной, а ведь это так важно для любой женщины.

Хотя, если быть честной, я боюсь... **Я БОЮСЬ ОСТАТЬСЯ БЕЗ ТЕБЯ, И Я БОЮСЬ БЫТЬ С ТОБОЙ.** Но, несмотря на свой страх, я хочу, чтобы наши отношения продлились как можно дольше. Прочитав эти строки, ты обязательно улыбнешься и подумаешь, что я в очередной раз лукавлю, но я действительно очень этого хочу. **ХОЧУ.** Господи, ты даже представить себе не можешь, как же сильно я этого хочу... Просто это проклятое прошлое... Мне кажется, что оно никогда меня не отпустит.

Глава 1

Я никогда не любила дождь. А сегодняшний дождь был необычайно сильным, противным и оставлял за собой целую кучу аварий. Не прошло и нескольких минут с его начала, как дождь превратился в настоящий ливень и одним махом зачеркнул всякую видимость на дороге.

– Вот черт! – выругалась я вслух и сбросила набранную скорость.

Поначалу у меня возникло желание вообще остановиться и переждать ливень, но, подумав о том, что ливень может затянуться на неопределенное время, я все же поехала, но как можно медленнее. И тут – только этого мне и не хватало! – отметила про себя: нужно срочно поменять «дворники». Эти просто ни к черту.

Чтобы хоть как-то улучшить упавшее настроение, я включила легкую музыку и слегка прищурила глаза, чтобы яснее различать то, что творится на дороге. Свернув на проселочную дорогу, я немного расслабилась, но на всякий случай включила фары, чтобы мою машину было хорошо видно. Зазвонил мобильный телефон, и я тут же сняла трубку. И несказанно обрадовалась, услышав возбужденный голос моей единственной подруги.

– Свет, ну ты где? – требовательно спросила она.

– Как «где»? На дачу еду. Я ж тебе говорила.

– Точно. Совсем позабыла. И что тебе на этой даче делать?

– Как «что»? Натуль, у тебя что-то с памятью в последнее время стало. Я же тебе целыми днями твердила, что мне нужно съездить на дачу и собрать сливы.

– Сливаы?! – в голосе Натки было полнейшее разочарование.

– Ну да. И не только сливы. Яблоки и груши тоже. Я, когда последний раз с дачи уезжала, несколько веток подвязала, потому что они уже обламываться начали. Натуль, да что с тобой творится-то? Я же столько раз звала тебя с собой, сливы собрать... Ты еще наотрез отказывалась, а теперь спрашиваешь, что мне на даче делать.

– Я отказывалась потому, что дачные дела терпеть не могу, – серьезным голосом произнесла Натка. – Просто я и подумать не могла, что ты в будний день тронуться сможешь.

– А когда я, по-твоему, на дачу должна ездить?

– Обычно все уважающие себя дачники едут на свои фазенды на выходные. Чаще всего они встают к своим грядкам в самых интересных позах в пятницу вечером и сходят с них только к вечеру воскресенья. Сегодня, если не ошибаюсь, среда?

– Среда.

– А в среду все уважающие себя дачники сидят в Москве и ждут вечера пятницы.

– Натуль, значит, я не уважающая себя дачница. В выходные мне бы очень хотелось какой-нибудь культурно-просве-

тительной или развлекательной программы, а не торчать в пробках в надежде попасть на собственную фазенду. Тем более мне урожай в срочном порядке собрать нужно. Слива уже почти осыпалась.

– А на кой тебе сдалась эта слива?

– Что значит «на кой сдалась»? Не пропадать же добру. Хочешь, тебе отполовиню?

– А мне зачем?

– Есть будешь.

– Светлан, уволь. Сколько я ее съем?

– Тогда можно варенье сварить или компот сделать.

– И кого мне этим вареньем кормить?

– Натуля, ты, как всегда, все усложняешь. Было бы варенье, а уж кого им кормить, всегда можно придумать.

– Нет, Светлана, извини, – тут же отрезала Наталья. – Я не служба благотворительности, чтобы кого-то дармовым вареньем кормить. И вообще, я никогда не отличалась хоть какими-то кулинарными способностями. Твоим сливам можно найти совсем другое применение.

– Надо же, и какое?

– Ну, например, сделать хорошее домашнее вино. С него и проку больше будет, и благотворительность устраивать не нужно. Сами пить будем.

– Не сопьемся?

– Да у тебя слив не хватит, чтобы мы спились! Даже если ты несколько гектаров одними сливами засадишь, нам все

равно мало будет.

– Натуля, ну, ты у меня как всегда! – развеселилась я. – Плохим настроением не страдаешь. Ты только не забывай, что мы по мобильному говорим.

– Я и не забываю. А ты не забывай, что если я тебе позволила, то я и плачу.

– А я за твои деньги переживаю.

– Светлана, не стоит. Мне на тебя денег не жаль. В конце концов, ты у меня подруга от бога, а это значит, что ты для меня – выше всяких денег. Я тебе, собственно, вот по какому поводу звоню...

– По какому?

– Я сегодня хотела предложить тебе устроить какой-нибудь девичник.

– Девичник?

– Ну да. Да только что теперь об этом говорить, ты ж на дачу уехала. А то поехали бы куда-нибудь в ночной клуб, оторвались бы по полной программе. Ты же сама постоянно мне твердишь о том, что живем один раз. А еще лучше бы в казино пошли, денег бы немного подняли. Я же в прошлый раз выиграла!

– Зато я проигралась в пух и прах.

– Мне почему-то кажется, что сегодня нам должно повезти. У меня ж чутье на деньги, ты ведь знаешь.

– Натуля, давай я сегодня сливы собираю, а в следующий раз обязательно устроим девичник.

– Да ладно, собирай свои сливы. Домашнее вино тоже очень даже вкусная вещь. Хотя какое-то время на спиртном немного сэкономим. Я сегодня сама на «Брюсов» поеду. Немного поиграю, а затем караоке попою, глядишь, какой-нибудь принц отзовется на мое проникновенное пение.

– Ты одна поедешь? – Я не смогла скрыть своего удивления.

– Да нет. Соседку возьму. А ты уже далеко? Не вернешься?

– Нет, конечно. Не вернусь. До моей дачи уже рукой подать. Натуль, у вас там дождь идет? – поинтересовалась я, так как с неба снова полились струи, причем настолько сильные, что почти совсем затмили видимость на дороге.

– У нас моросит.

– А тут прямо ливень.

– И как ты думаешь собирать свои сливы? С целлофановым пакетом на голове?

– Плащ с капюшоном надену.

– Хотела бы я посмотреть на эту картинку.

– А мне кажется, ничего интересного тут нет.

– Не скажи. Это должно быть забавно. Сбор слив в экстремальных условиях – зрелище...

Я не могу описать то, что произошло дальше. Сквозь потоки воды, заливавшие лобовое стекло, я вдруг увидела силуэт непонятно откуда выскочившего на дорогу человека, который решил перебежать прямо перед моей машиной. От

неожиданности я вскрикнула и что было силы надавила на тормоз. Машина пошла юзом, человек со всей силы ударился о капот и упал прямо под колеса моего «Форда». Машина резко встала, а я ощутила, как на спине выступил ледяной пот. Я сидела в чудовищном оцепенении и не могла поверить в то, что я только что сбила человека. Каждый день я слышала о людях, попадающих под колеса автомобилей, но мне и в голову не приходило, что я сама могу попасть в подобную ситуацию и лишиться жизни человека. В моей руке еще была телефонная трубка, из которой доносился Наташкин голос:

– Свет... Светка. Ты что кричишь?

С трудом собрав остатки самообладания, я поднесла трубку к уху и произнесла дрожащим голосом:

– Наташа, кажется, у меня большие проблемы. Я перезвоню позже.

– Что случилось? Тебе помочь?

– Я перезвоню позже, – повторила я и отключила мобильный.

Затем посмотрела по сторонам и подумала, что самый лучший выход из сложившейся ситуации – надавить на газ и ехать дальше. В конце концов, на улице дождь, уже темнеет и вокруг никого нет. Я не виновата. Я просто ехала по дороге. И ехала очень медленно. Этот человек сам откуда-то выскочил и, можно сказать, буквально бросился под мою машину. Быть может, он решил именно таким образом свести счеты со своей жизнью? Дорога пуста, а это говорит само за себя.

Не стоит испытывать судьбу в очередной раз. Лучше взять и уехать. Насчет того, что я могу ему помочь, неизвестно, а вот насчет того, что я могу помочь себе... это действительно в моих силах. Свидетелей того, что случилось, нет, а раз нет свидетелей, значит, никто и не покажет на меня пальцем, и несчастье обойдет меня стороной.

И я почти уехала. Повернула руль влево, объехала лежащего на дороге человека, отъехала несколько метров и... остановилась, вышла из машины. Я и сама не знаю, почему я не смогла уехать. Возможно, это оттого, что у меня окончательно сдали нервы, а возможно, что у меня сработала совесть, которая вступила со мной в перепалку и уговорила меня посмотреть на бедолагу – вдруг человек жив. Незнакомец по-прежнему лежал на дороге и не производил ни единого движения. Я шла крайне осторожно и отчетливо слышала учащенные, громкие удары своего сердца. Сев на корточки рядом с лежащим на дороге человеком, я нервно поправила мокрые волосы и крикнула:

– Мужчина, что с вами?

Затем спохватилась, подумав, что мой вопрос получился ужасно глупым, и взяла лежащего за руку, ища у него пульс. Как ни странно, пульс был, а значит, человек еще был жив! Наверное, он нуждается в неотложной помощи... Соленые слезы смешались с холодным, противным дождем, и из моей груди вырвались громкие всхлипы. Какой кошмар! Только что я чуть не убила человека, и еще в принципе неизвестно,

будет он жить или нет...

Растерянно посмотрев по сторонам, я подумала: в любую минуту по дороге может проехать какая-нибудь машина, и тогда... Я и сама не знала, что будет тогда. Я жутко боялась судебных разбирательств, тюрьмы и той страшной жизни, когда окружающий тебя мир виден сквозь стальную решетку. Не помня себя, я взяла человека за руки и потащила к своей машине. Благо мужчина оказался не очень крупной комплекции, и у меня хватило сил, чтобы затащить его на заднее сиденье автомобиля. Не придумав ничего лучшего, я тут же полезла за аптечкой, достала нашатырный спирт и сунула его под нос лежащему без движения мужчине. Мой взгляд блуждал по незнакомцу и остановился на его предплечье, потому что именно на этом месте я увидела кровь. Нашатырный спирт тут же подействовал. Лицо мужчины моментально перекосилось, он застонал и посмотрел на меня ничего не понимающими глазами.

– Господи, неужели живой? – я улыбнулась сквозь слезы и вновь задала дурацкий вопрос: – Что у вас болит?

– Где я? – ответил вопросом на вопрос мужчина и, слегка приподняв голову, посмотрел на свое окровавленное плечо.

– У меня в машине, – только и смогла ответить я, доставая из аптечки еще и бинт с зеленкой.

Во взгляде мужчины по-прежнему читалось полное непонимание того, что происходит, а я не знала, с чего начать и каким образом объяснить ситуацию.

– А ты кто? – взгляд потерпевшего сфокусировался на моем лице.

– Меня зовут Светлана. Я еду на дачу собирать сливы. Я нашла тебя на дороге, – не моргнув глазом соврала я.

– Меня на дороге?

– Да.

– Как так?

– Еду себе спокойненько, ни о чем плохом не думаю и смотрю – человек прямо посреди дороги лежит. Думаю, дай остановлюсь и узнаю, что случилось. Остановилась, а ты без сознания. Я тебя к себе в машину перетащила и дала нашатырного спирта понюхать. Послушай, давай я тебе плечо перевяжу, а то кровь идет.

– Перевяжи.

Возбужденно кивнув, я быстро расстегнула рубашку, затем осторожно приподняла мужчину и попыталась ее снять. Мужчина сморщился и застонал.

– Больно?

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть...

– Как есть, так и говори.

– А ты сама как думаешь?

– Думаю, что больно.

– Тогда зачем спрашиваешь?

Осмотрев плечо, я отметила про себя, что у него, по всей вероятности, всего лишь ушиб, а кожа просто сильно содрана. Но как только я попыталась смазать ссадину зеленкой,

мужчина закрыл глаза и вновь застонал.

– Пожалуйста, потерпи немножко. Сейчас будет легче, – и я принялась дуть на рану как можно сильнее.

– Ты врач?

– Нет, – судорожно замотала я головой и принялась забинтовывать предплечье, стараясь делать все как можно более аккуратно.

– А зачем тогда за бинт схватилась?

– Как это «зачем»? Я не врач, но первую помощь могу оказать. Для того чтобы оказывать первую помощь, обязательно быть врачом. Ты вообще-то как себя чувствуешь?

– Не хочется говорить вслух и ругаться при женщине.

– Я бы тебя в больницу отвезла, да только не знаю, где здесь больница находится. Я в этой местности вообще ничего, кроме своей дачи, не знаю. Она здесь совсем рядом, рукой подать. Я уже почти доехала. Давай я тебя до своей дачи довезу, и, если тебе будет плохо, мы прямо туда неотложку вызовем, а?

– Давай, вези меня хоть куда-нибудь. Мне тут, в машине, лежать неудобно.

– Тогда едем. Пять минут, и мы у цели.

– А как я очутился на дороге? – неожиданно задал вопрос мужчина.

– Тебя кто-то сбил, – тут же ответила я и пристально посмотрела ему в глаза в надежде на то, что он ничего не помнит.

– А кто?

– Понятия не имею. Когда я ехала, ты уже лежал. Может, ты на тот свет хотел? Может, ты сам под чью-нибудь машину бросился? Тут сложно сбить человека. Дорога пустая.

– Я еще в своем уме, чтобы на тот свет раньше времени хотеть.

– Кто тебя знает. Я вообще не понимаю, как можно переходить дорогу, когда машина едет.

– Наверно, она не ехала, а неслась.

От этих слов мне, как говорится, поплохело, и я с трудом сдержала себя от того, чтобы не рассказать незнакомцу про то, что в плохую погоду я всегда езжу крайне медленно и осторожно.

– Тут вообще никто никогда не носится, потому что дачный поселок рядом, – все же вырвалось у меня. – Тут только некоторые товарищи под машины грудью сами кидаются и создают проблемы нормальным дисциплинированным водителям.

Сев за руль, я завела мотор и сдвинулась с места. Дождь немного утих, и можно было чуть прибавить газу.

– Как же ты в этих краях живешь, а где больница находится, не знаешь? – спросил мой пассажир.

– А почему я должна знать? Она мне раньше как-то без надобности была. Я знаю, где магазин, и этого вполне достаточно. А больницей я никогда не интересовалась. Ты не переживай, если тебе совсем плохо будет, то мы прямо на да-

чу вызовем неотложку. Правда, если адрес своей дачи я хорошо знаю, то по поводу этой дороги я вряд ли объяснить смогу. Неотложка, пока ее искать будет, двадцать пять раз заблудится.

– Болтливая ты.

– Я не болтливая. Я просто за тебя переживаю.

– А что же это ты за меня вдруг переживаешь? Ты же меня на дороге нашла.

– И что?

– Да так. Ничего.

– Ты же человек все-таки. Вот я и переживаю.

– Ты так за всех подряд переживаешь или только за тех, кого на дороге находишь?

– Ты так говоришь, будто я каждый день кого-то нахожу на дороге. Ты первый, кого я нашла. Все, уже и приехали. Вот и дача.

Выбежав из машины, я быстро открыла ворота и загнала машину во двор. Затем распахнула заднюю дверцу машины и помогла мужчине встать на ноги. Облокотившись на меня, мужчина сильно захромал и потихоньку пошел в сторону дома.

– Голова кружится?

– Кружится. Если я не ошибаюсь, то я ею очень сильно ударился. И по-моему, даже не просто ударился, но и немного ее разбил.

– Скорее всего у тебя легкое сотрясение мозга. Не пере-

живай, нужен постельный режим, и все как рукой снимет.

– Да я особо и не переживаю. Я просто подумал, что если я не ошибаюсь, то, по-моему, совсем недавно я чуть было не умер.

– Но я же тебя вовремя спасла.

Мы прошли в спальню, я уложила мужчину на кровать и посмотрела на него испуганным взглядом:

– Ну, ты как?

– Что ты, как попугай, заладила: «ты как», «ты как»? Сколько можно! Что ты хочешь от меня услышать? Что я жив-здоров и со мной все в порядке?! Что у меня ничего не болит, что мне весело и что я счастлив?! – мужчина сам не заметил того, как перешел на крик.

– Я просто спросила.

– Надо же, она просто спросила! Сбила человека и для того, чтобы не сесть в тюрьму, притащила его к себе на дачу. Спасибо, что хоть не оставила лежать на дороге. Хотя знаешь, лучше бы ты меня оставила. Толку бы было больше. Может, меня бы какая попутка подобрала да отвезла бы в больницу. Глядишь, мне бы оказали профессиональную медицинскую помощь и вернули к нормальной человеческой жизни. А то сдохну на твоей даче, ты меня прямо в сарае закопаешь, и никто даже не чухнется, где я. Ничего, если я выкарабкаюсь и смогу быть таким, как раньше, я тебе такое устрою! Я покажу тебе, как людей сбивать и как их прятать по своим дачам. Я тебе объясню, как машину водить нужно!

Ой как объясню!!! Ты за каждое свое действие ответишь.

Меня бросило в жар, я раскраснелась, как помидор, и судорожно заговорила:

– Ты чего это на моей даче раскричался? И вообще, кто дал тебе право на меня кричать?! Насчет того, что я тебя сбила, тебе просто приснилось. Я машину вожу всегда аккуратно при любых погодных условиях. Так что наговаривать на меня не нужно. Правду все-таки говорят: не делай добра, не будет зла. Я хотела как лучше. Увидела: человек на дороге лежит, остановилась, не проехала мимо. Можно сказать, тебя на себе до самой машины тащила. Прошу заметить, что ты далеко не легкий и это стоило мне огромного труда. Не каждая девушка поднимет такую тушку, как ты.

– Это кто тут тушка-то?

– Ты.

– Я?!

– Ты, кто ж еще. Тебя если на весы поставить, то стрелка просто зашкалит.

– Да я со спортом дружу. У меня фигура атлетическая.

– Не знаю, что-то я этого не заметила. Я заметила только то, что ты с совестью точно не дружишь. Человек тебя от смерти спас, а ты его лицом в грязь... – изобразив виновинственное выражение лица, я сжала кулаки, буквально на секунду задумалась, но тут же продолжила: – А если я тебя не сбивала, значит, тюрьмы мне бояться незачем. Тюрьмы должен бояться тот, кто совершил преступление, а моя

совесть чиста. Просто этот случай для меня хорошим уроком будет. Я больше никого в жизни на дорогах подбирать не стану. Пусть вас там хоть с десятков лежит. Я с безразличным лицом мимо проеду, и все. Сейчас позвоню в «Скорую», и пусть она тебя забирает к едрене фене. Чтоб духу твоего здесь не было! Нечего, чтобы на моей даче такие экземпляры прохлаждались. Таким, как ты, в больнице место. И вообще, мне сливы собирать нужно, я здесь с тобой только время теряю.

Я старалась держаться как можно более уверенно, но мой голос слегка дрожал, и, несмотря на все усилия, у меня так и не получилось полностью скрыть волнение. Для того чтобы придать своим словам убедительность, я достала из сумочки мобильный и собралась набирать номер «Скорой помощи».

– Ах, ну да! Я же отключила мобильный, чтобы Натка меня не доставала. Но ничего страшного, сейчас пин-код введу, и он заработает.

Вспомнив нехитрую комбинацию цифр, я набрала пин-код. Как только телефон включился, тут же раздался звонок. Я ни минуты не сомневалась в том, что это Наташка, и сняла трубку.

– Светлан, ты где? – раздался как всегда возбужденный голос моей подруги.

– Как где? Сливы собираю.

– Сливы?!

– Я ж тебе говорила...

– А почему у тебя телефон был отключен? Почему ты мне не позвонила? Я же за тебя переживаю.

– У меня телефон разрядился. Извини, я его только что на подзарядку поставила. Просто, как только приехала, увидела полные деревья слив и давай как ненормальная их обирать.

– Какие сливы, у вас же там дождь идет! Ты же сама мне говорила.

– Дождь уже прошел.

– И охота тебе по мокрой траве ходить... Ладно, теперь я спокойна, а то ты мне сказала, что у тебя проблемы, и я уже не знала, что и думать. Мысли всякие в голову полезли. А оказывается, все намного проще. Оказывается, у тебя всего одна проблема – то, что телефон разрядился. Ладно, хорошего тебе урожая.

– А тебе приятного отдыха.

– Спасибо. Мы с соседкой уже отправились за новыми впечатлениями. Сегодня гуляем! Жалко, что тебя нет с нами. Ну ладно, скучно будет, звони. Слушай, если мы сегодня принцев встретим, то я одного для тебя приберегу. Обещаю. Я девушка не жадная, ты же знаешь. Особенно на такое добро.

По окончании разговора я посмотрела на лежащего на кровати мужчину и решительно заявила:

– Все. Звоню в «Скорую». Пусть тебя побыстрее увозят, а то разлежся, как в санатории. Слишком много места занимаешь. Тебе тут не дом отдыха! Так, а как же мне на мобиль-

ном набрать «Скорую»...

– Послушай, не напрягай память. Тебе повезло. Мне кажется, что я смогу выкарабкаться без «Скорой». Налей мне лучше чего-нибудь крепкого выпить.

– А ты мне тут дуба не дашь?

– Если до сих пор не дал, значит, уже не дам.

Просьба незнакомца не вызывать «Скорую» заметно подняла мне настроение, и я прошла на кухню. Там налила полную рюмку водки из бутылки, которая хранилась в моем арсенале специально для соседа, который честно косит траву на моих сотках. Собрав также нехитрую закуску, я поставила все на поднос и принесла его в спальню незнакомцу.

– Надо же, какая честь! – попробовал улыбнуться мужчина и слегка приподнялся.

– Действительно честь. Я еще ни разу мужчине поднос с едой в постель не носила.

– А что так?

– Не было случая.

– Значит, у тебя не было нормального мужчины.

– У меня с мужчинами проблем нет.

– Я говорю про нормальных мужчин.

– А ты считаешь нормальными мужчинами тех, кому еду прямо в постель носят?

– А почему бы и нет?

– Может быть. Только делают это ненормальные женщины. Точно такие, как я.

Мужчина вновь слегка сморщился – видимо, приподнимаясь, он потревожил больное место, – взял рюмку водки.

– За что пьем-то?

– За твое здоровье.

– Хороший тост. У меня здоровье всегда было отменное, пока ты не подпортила.

– Ничего я тебе не портила! – я почувствовала, как у меня задрожала нижняя губа, и голосом, полным возмущения, произнесла: – Послушай, хватит уже, а то ты сейчас у меня допрыгаешься, я в «Скорую» позвоню, и пусть тебя в какую-нибудь ужасную больничку увезут. Надо же, я к нему со всей душой: на дороге подобрала, на себе волоком до машины тащила, а он мне говорит подобные вещи! Нехорошо.

– Уж если кто в этой ситуации и поступает нехорошо, так это ты. И вообще, если ты будешь много говорить, то я просто засажу тебя за решетку, и дело с концом.

– Меня? За решетку?

– Тебя.

– Интересно бы еще знать, за что?

– За то, что ты сбила человека. А затем его похитила.

– Я? Похитила?!

– Конечно, дорогуша. Похитила. Не повезла в больницу, а скрыла в четырех стенах. Одним словом, нанесла ущерб чужому здоровью и препятствовала помещению потерпевшего в медицинское учреждение.

– Что?! – мне показалось, что еще немного – и я просто

взорвусь от охватившего меня возмущения.

– Что слышала. Так что, дорогуша, тут тебе не одна статья светит. Тут на тебя знаешь сколько повесить можно?!

– Ну все! Мое терпение лопнуло! Хватит, звоню в «Скорою». Более неблагодарных людей, чем ты, я еще не видела.

Вновь достав телефон, я стала решительно нажимать на кнопки, но мужчина поднес рюмку водки ко рту и как-то похозяйски сказал:

– Подожди. Не гони коней. Дай хотя бы выпить спокойно.

– Пожалуйста, пей. Кто тебе не дает.

– Ты.

– Я?!

– Ты. Если тебя не затруднит, то помолчи хотя бы несколько секунд.

– Молчу.

Мужчина выпил рюмку водки, сунул в рот порезанный соленый огурец и лег на подушку.

– Состояние, как будто по мне трактором проехали. А вроде машина у тебя приличная, на трактор совсем не похожа.

Я пропустила последнее замечание мимо ушей и осторожно спросила:

– Может, у тебя что-нибудь сломано?

– Может, и сломано.

– Так что, «Скорую» вызвать?

– Остынь ты со своей «Скорой». Послушай, у тебя тут ни-

какого знакомого врача нет?

– Где?

– Ну, может быть, какая-нибудь соседка по даче?

Немного подумав, я вспомнила, что в конце улицы у нас тут живет женщина, которая разводит самые красивые в поселке цветы. Она теперь уже на пенсии, а до этого около сорока лет проработала врачом. Эта улыбчивая женщина всегда оказывает любую медицинскую помощь тем, кто в ней нуждается, и с удовольствием дает консультации практически по любому вопросу.

– Есть у нас тут Надежда Ивановна. Она живет на самой крайней даче. Давай я ее приведу, и она тебя посмотрит.

– Веди свою Надежду Ивановну.

– Веду.

– Очень хорошо.

– Только...

– Что «только»? Давай говори.

– Не стоит говорить моей соседке о том, что я тебя сбила. Тем более что я тебя не сбивала вовсе. Я нашла тебя на дороге, повторяю.

– Не переживай. – мужчина как-то недобро усмехнулся. – Будем держаться твоей версии.

– Я не переживаю. Просто не люблю, когда на меня наговаривают.

– Да мне твоя Надежда Ивановна и даром не нужна! Можешь сказать ей, что я твой друг и что на меня случайно на-

ехала машина.

– Тогда я сейчас. Я быстро.

Глава 2

Открыв дверь во двор, я увидела, что дождя уже нет, и быстрой походкой направилась к самому последнему дому на нашей улице. Уже стемнело. Несмотря на то что я, слава богу, не убила человека, мои нервы все равно давали о себе знать. Мне казалось, что сейчас Надежда Ивановна внимательно осмотрит мужчину и сделает заключение, что его нужно срочно госпитализировать. Тогда мои дела могут быть плохи. Мне придется взять незнакомца в больницу, а там, естественно, сразу спросят о том, что с ним случилось. Он скажет, что его сбила машина, да еще и укажет на меня, и тогда... Тогда можно ждать беду. Вернее, не ждать, а она придет наверняка. И мне таки придется смотреть на наш потрясающий и красивый мир сквозь стальную решетку. От этой мысли мне стало совсем плохо, а на моих глазах вновь появились слезы. Чтобы хоть немного отвлечься от тяжелых мыслей, я набрала Наткин номер. Услышав в трубке громкую музыку, когда она откликнулась, поняла, что подруга уже находится в увеселительном учреждении, но все же уточнила:

– Натуль, ты где?

– На «Брюсове».

– Ну и как там?

– Как всегда. Разве тут может быть плохо? Народ веселится, развлекается. Кому нужно освободить свой карман, дела-

ет ставки в казино, а кто не настроен на азартные игры, находит отдушину в баре. Светлан, ты не поверишь, я тут такого принца встретила, что чуть было дар речи не потеряла. У него какое-то важное дело возникло, так он буквально на час отъехал, но очень сильно просил меня его дождаться.

– А ты?

– А что я? Понятное дело, что. Я же сюда не на час приехала. По-любому встретимся. А ты как?

– Да никак! – на секунду мной овладело желание разрыдаться в трубку и рассказать любимой подруге обо всем, что со мной произошло, но я тут же взяла себя в руки, постаралась унять нервную дрожь и произнесла фразу, которая уже несколько раз возникала в моей голове: – Натка, ты не представляешь, как я сожалею о том, что поехала на дачу, а не с тобой!

– Тогда не сожалей, а садись в машину и дуй к нам! – Ната почти кричала в трубку, потому что слишком громко играла музыка. – Я тебя жду!

– Нет, Натуль, уже поздно.

– А что поздно-то? Время детское.

– Все поздно. Вот если бы я сразу отказалась от своей дурацкой затеи и поехала вместе с тобой...

– У тебя что-то голос такой, будто ты плакать собралась, – тут же заметила подруга. – Что там у тебя стряслось? Неурожай, что ли? Да и черт с ним, со сливовым вином. Протянем как-нибудь. Жили же мы без него и еще будем жить. Только

не расстраивайся!

– Да нет. Все в порядке.

– И все же у тебя что-то стряслось. Ты свою лучшую подругу не обманешь.

– Может быть, по приезде расскажу.

– Моя помощь требуется?

– Пока нет.

– Если что, звони. Ты же знаешь, что, если тебе будет необходимо, я к тебе и посреди ночи приеду.

– Знаю. Ладно, веселись.

– Смотри. Один звонок – и я у тебя, а еще лучше – ты у меня. Тут принцев на всех хватит.

– Вот ты пристала со своими принцами! Натуля, солнышко, уже пора бы тебе понять, что принцев на всех не хватит. Принцев давно разобрали. А если честно, то я и не верю в их существование.

– Ты не права. Кто ищет, тот всегда найдет.

– Пусть меня ищут. Буду я еще кого-то искать! Слишком много чести!

– Вот поэтому ты и одна. Человек должен во что-то верить. Например, в это: кто ищет, тот всегда найдет.

– Уж больно долго ты ищешь.

– Отсутствие результата тоже результат. Хотя, ты знаешь, если честно, то мне кажется, что я его уже нашла. У меня на это дело чутье. Никогда бы не подумала, что мое счастье найдет меня на «Брюсове».

– Ну, удачи тебе, Натуль!

Я улыбнулась сквозь слезы и сунула трубку в карман. Моя подруга была неутомимой искательницей приключений на свою голову и всегда свято верила в то, что на ее грешном пути обязательно встретится богатый, роскошный, а может быть, даже известный принц. Желательно банкир по профессии, который обязательно подарит ей свою любовь вместе с огромным домом на Рублевке и красивой жизнью в придачу. Она искала своего принца в богатых ресторанах и ночных клубах, которые посещала на свои честно заработанные, отнюдь не большие деньги, а потом ездила «зайцем» в трамваях. Она ходила в центральную библиотеку, делала умный вид, брала в руки какую-нибудь энциклопедию, подсаживалась за стол к очередному увлеченному чтением принцу и начинала громко кашлять в надежде на то, что он обязательно обратит на нее внимание. Но вместо этого или сам принц, или сотрудник библиотеки делал моей подруге замечание, и та сразу же теряла свой оптимизм и начинала тупо смотреть на страницы энциклопедии, которые интересовали ее в данной ситуации меньше всего на свете. Чем больше Ната искала богатого мужа, тем все чаще знакомилась с какими-то неудачниками-альфонсами, которые тянули с нее последние соки, потому что были не прочь пожить за чужой счет и использовать новую знакомую как «дойную корову».

Я была полной противоположностью своей подруги и уже давно никакого принца не искала. Мне казалось, если суж-

дено, то наступит момент, когда счастье найдет меня и улыбнется.

Подойдя к дому Надежды Ивановны, я толкнула калитку, прошла к дому и нажала на дверной звонок. Дверь распахнулась, и на пороге появилась хозяйка в домашнем халате и с мобильным телефоном в руках. Увидев мой расстроенный вид, она сразу спросила:

– Светлана, что случилось?

Казалось бы, обычный вопрос, но я ощутила, как мое лицо залилось краской и у меня слегка закололо в груди.

– Надежда Ивановна, у меня к вам дело...

– Ну говори, не тяни. Я же спрашиваю тебя, что случилось?

– Дело в том, что я приехала на дачу не одна, а со своим другом.

– Ему плохо?

– Да, – тут же вырвалось у меня, и я опустила глаза.

– А где он?

– На моей даче.

– Так, может, «Скорую»? У тебя мобильный не работает? Давай вызовем с моего.

– Он сам сказал, что не нужно «Скорую». Вы бы его посмотрели. Может, ничего страшного.

– Хорошо. Посмотрю, конечно. А что с ним?

– На него машина наехала.

– Что? – Надежда Ивановна посмотрела на меня испуган-

ными глазами и повторила вопрос: – Что ты сказала?

– Я говорю, что на него машина наехала. Ну, в общем-то, ничего страшного. Мне кажется, у него сотрясение мозга и сильный ушиб предплечья.

– А вот мне кажется, что, когда на человека наезжает машина, всегда вызывают «Скорую помощь» и милицию, а не бегут к врачу, живущему по соседству и к тому же давно не практикующему, – в словах Надежды Ивановны появилась некая жесткость.

– Я пришла за вами, чтобы вы его посмотрели. Если вы скажете, что у него что-то серьезное, то я обязательно вызову неотложку. Поймите, он не в критическом состоянии и отказ от больницы – не что иное, как его личная просьба.

– А кто на него наехал-то? – женщина задала вопрос, который я совсем не ожидала услышать.

– Он и сам не знает, да не запомнил. Какой смысл беспокоить милицию, если человек ничего не видел, ничего не слышал, ни цвет, ни марку машины не запомнил? Все равно никого не найдут.

– Не скажи, всякое бывает. Милицию нужно беспокоить по любому поводу, на то она и милиция.

– Толку-то с нее...

– Иногда толк очень даже бывает.

Продолжая разговаривать, Надежда Ивановна взяла свою медицинскую сумку, повесила ее на плечо, и мы с ней вышли из дома.

– Как зовут твоего друга? – вдруг спросила меня она.

– Что? – я опешила от вопроса. И правда, я ведь даже не спросила имя у «своего» незнакомца, и это упущение ставило меня сейчас в крайне неловкое положение.

– Я говорю, как твоего друга зовут? Я же должна к нему как-то обращаться... – еще раз спросила женщина, закрывая калитку.

– Его зовут... Игорь, – выпалила я первое мужское имя, пришедшее мне на ум.

– А где его сбили? – вновь задала бестактный вопрос чересчур любопытная женщина.

Я помолчала и уже мысленно пожалела о том, что обратилась за помощью к такой болтливой женщине, как Надежда Ивановна, которая задает слишком много ненужных вопросов и загоняет меня ими в настоящий тупик.

– Да тут... недалеко...

– Рядом с дачным поселком?

– Неподалеку.

– Значит, кто-то из дачников и сбил.

– Да разве теперь докажешь... Может, дачники, а может, деревенские. А может, вообще кто-то случайный. Какое это имеет значение?

– Да уж. Развелось автомобилей как собак нерезаных. Гоняют и даже не смотрят, что здесь населенный пункт. Ведь табличка висит с ограничением скорости. Никакой водительской этики.

– Да о чем вы говорите! Когда она была? Сейчас такое сплошь и рядом, – поддержала я женщину крайне возмущенным голосом и открыла калитку к своему дому. – Надежда Ивановна, проходите. Вы только внимательно его посмотрите. Я вам за осмотр заплачу. Как-никак, вы свое личное время теряете.

– Да подожди ты со своими деньгами! Давай сначала посмотрим, что с твоим Игорем случилось.

Пройдя в комнату, женщина поздоровалась с незнакомцем и приступила к осмотру. Я встала рядом с окном и принялась внимательно наблюдать за всем, что она делает.

– Игорь, внимательно следите глазами за движениями моего указательного пальца, – обеспокоенным голосом произнесла женщина и наклонилась над лежавшим на кровати мужчиной.

– Вообще-то меня зовут Илья.

– А Светочка сказала, что Игорь... – В голосе Надежды Ивановны зазвучало удивление.

– Она ошиблась.

– Ничего и не ошиблась, – попыталась я исправить ситуацию и отвести от себя подозрения. – Все окружающие действительно зовут его Ильей, а я всегда ласково Игорьком называю.

– Меня зовут Илья, – упрямым голосом повторил незнакомец и принялся следить глазами за указательным пальцем Надежды Ивановны.

– Да мне разницы нет, как вас зовут, – тут же ответила женщина. – Если хотите, чтобы я называла вас Ильей, то пожалуйста. Я ведь сюда только ради Светланы пришла. По ее личной просьбе.

Последние слова соседки немного меня успокоили и заставили поверить в то, что Надежде Ивановне совершенно нет дела до личности лежащего перед ней мужчины.

Проверив у незнакомца пульс и послушав сердце, Надежда Ивановна еще раз окинула его обеспокоенным взглядом и повернулась в мою сторону.

– Ну что? – заволновалась я. – Что-нибудь серьезное?

– Конечно, было бы неплохо ему полежать в больнице.

– Значит, вы нашли что-то серьезное?

– Ничего критического я не нашла. Очевидно, сотрясение мозга и сильнейший ушиб предплечья. Кстати, Светлана, ты с первого взгляда поставила точный диагноз. Тебе можно давать диплом врача.

– Ну, до диплома врача мне, пожалуй, далеко.

– Сначала мне показалось, что с предплечьем что-то по-серьезнее, чем ушиб, но после осмотра мои сомнения развеялись. Хотя для страховки не мешало бы сделать снимок. Молодой человек очень сильно упал. Ссадины и царапины видны по всему телу. Сейчас я сделаю обезболивающий укол и все обработаю.

– Вы считаете, что госпитализация необходима?

– Желательна.

– А если он отлежится на даче?

– Собственно, это возможно. Вполне допустимо. Но его необходимо проколоть, а быть может, и пару раз поставить капельницу. А уколы в течение недели просто обязательны.

– А вы бы смогли нам в этом помочь? За определенную плату, конечно.

– Ну... в принципе... почему бы и нет. Только нужно купить соответствующие лекарства.

– Я куплю все, что вы напишете.

После того как женщина сделала моему так называемому другу укол и стала обрабатывать его многочисленные ссадины, я подошла как можно ближе к кровати и посмотрела мужчине в глаза:

– Илья, ты сам-то как?

– В смысле?

– Что решаешь, тебе где лучше будет лежать – в больнице или здесь?

– Я как-то больницы не очень люблю...

– Вот и замечательно. – я расплылась в улыбке и заговорила уже более оживленным голосом: – Лучше просто не может быть. Я завтра же куплю все лекарства, а Надежда Ивановна несколько дней к тебе ходит и подделает уколы, а если нужно будет, то и капельницы поставит.

– Конечно, похожу, – согласилась женщина. – Я пока все равно в город не собираюсь.

Как только соседка собралась уходить, я вынула из сумоч-

ки кошелек и пошла ее провожать. Когда мы вышли на летнюю веранду, Надежда Ивановна взяла деньги и продиктовала лекарства, которые мне необходимо купить прямо завтра. Я исправно все записала, договорилась о завтрашней встрече и вернулась к Илье.

– Ну как? – я села рядом на стул и закинула ногу за ногу.

– Что «как»?

– Как тебе Надежда Ивановна?

– Надежда Ивановна как Надежда Ивановна. Если я не ошибаюсь, то она немного в медицине шпарит.

– У нее сорок лет врачебного стажа.

– Это еще ни о чем не говорит.

– Сорок лет тебе ни о чем не говорят? – не смогла я скрыть своего удивления.

– Смотря кем она работала, а то, может, санитаркой в больнице, полы мыла да судно выносила.

– О чем ты говоришь? Неужели бы я привела к тебе санитарку?! – я была просто шокирована такой неслыханной наглостью.

– Да кто тебя знает... От тебя чего угодно можно ожидать!

– Эта женщина – врач.

– Может, и врач, – Илья откровенно надо мной издевался. – Просто я этого не заметил.

– Возможно, после того, как по тебе машина проехала, у тебя случилось что-то со зрением, – сказала я разозленным голосом.

– Да нет, вижу я вроде неплохо. По крайней мере, тебя разглядеть могу. Могу сказать, что мне такие, как ты, никогда не нравились. Не в моем ты вкусе. У тебя, наверно, с женихами проблема.

– Как это?

– На тебя, наверно, еще ни один нормальный мужик не посмотрел.

Последние слова прозвучали как пощечина, и я моментально изменилась в лице:

– Послушай, ты сейчас у меня договоришься! У меня на личном фронте полный порядок. От женихов отбоя нет. Я такими фраерами огороды горожу.

– Какими фраерами?

– Такими, как ты.

– Все сказала?

– Все.

– Тогда тебе повезло.

– Почему?

– Потому что у меня постельный режим.

– Надо же! Ты – на моей даче – мне – угрожаешь? – произнесла я чуть ли не по слогам.

– Я не люблю, когда меня фраером называют.

– А я не люблю, когда человек, которому я пытаюсь помочь, начинает себя по-хамски вести.

После минутного молчания я озабоченно посмотрела на часы и уже более дружелюбно спросила:

– Ты не против, что Надежда Ивановна тебя выхаживать будет?

– Я же сказал, что не против.

– Просто ты вроде бы в больницу хотел...

– Да куда я не хотел! Уж пусть лучше твоя Надежда Ивановна, чем какая-нибудь сварливая медсестра в больничной палате.

– Она к тебе завтра придет. За несколько дней выходит.

– Будем надеяться.

– Только вот спиртное тебе нельзя. И водки ты зря выпил.

– С чего это ты такая правильная стала?

– С того, что при сотрясении мозга пить водку нельзя.

– Сама наливала.

– Наливала потому, что ты мне сказал.

– Да если бы я водки не выпил, то от боли бы загнулся.

Водка – хорошее обезболивающее.

– Больше этого обезболивающего не получишь. – я посмотрела на мужчину укоризненным взглядом и процедила сквозь зубы: – И вообще... Можно было бы при постороннем человеке и не говорить, что тебя не Игорем зовут. Я понятия не имела, как тебя звать, а она меня об этом спросила. Вот я и ляпнула первое имя, которое пришло мне на ум.

– Ты чужими именами кого-нибудь другого называй, а меня нечего!

– Мог бы и промолчать.

– Есть вещи, про которые я молчать не собираюсь. Прежде

чем идти за своей врачихой, могла бы поинтересоваться моим именем.

– Я об этом как-то не подумала.

Встав со стула, я подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. От моего горячего дыхания стекло тут же запотело.

– Уже стемнело. Из-за тебя я сливы не успела собрать...

– Извини, что я тебе всю малину испортил.

– Ладно, завтра уж точно соберу.

Очередной звонок мобильного телефона заставил меня вздрогнуть.

И я даже не сомневалась в том, что из трубки раздастся голос моей подруги Наташки.

– Светлана, ну, ты как там одна? – по ее возбужденному голосу я поняла, что она уже успела хорошо принять на грудь и что веселье у нее в самом разгаре.

– В доме сижу.

– Не скучно?

– Скучно.

– Я тебе именно по этому поводу и звоню. Хватит на своей даче сидеть! Собирайся и приезжай к нам! Мы тут всю ночь гулять будем. Если бы ты только видела, сколько сюда сегодня принцев понаехало... Один краше другого. Вся стоянка глазастыми «мерсами» усыпана. Ты не представляешь, как эта картина радует взор. Мой подъехал. Если бы ты его видела, то ты бы просто потеряла дар речи. Красивый, как елка новогодняя.

– При чем тут елка-то?

– При том, что он весь бриллиантами усыпан. Сам как один большой бриллиант. У него даже лысина блестит. Он когда рядом со мной сидит, мне так и хочется ему на лысинку плюнуть и носовым платочком потереть, чтобы она, эта самая лысинка, еще пуще прежнего блестела.

– А что в данный момент твой принц делает, если ты так свободно про его лысину распинаешься?

– По мобильному разговаривает. У него телефон практически не замолкает. Все про какие-то финансовые операции говорит. У него не голова, а просто калькулятор. Мне кажется, что он даже во сне деньги делает. Представь, как у такого приятно на плече засыпать. Ты тихонько похрапываешь, а он твой сон бережет и все считает и считает... Пока он отъезжал, меня тут один старикашка на танец пригласил. Я вышла с ним танцевать, а он мне едва до груди достает. Я ему сразу сказала: «Дедушка, вы что такой мелкий-то», а он мне ответил, что в постели разница в росте не ощущается. Мол, в ней мы все равны. Ты можешь себе представить? Я его чуть было по стенке не размазала. Он тогда к моей соседке приклеился. Мол, он за ночь любви исполнит любое желание. А на вид такой милый и приличный дедок... Дедок – и все туда же! Светлана, давай подъезжай. Ты не представляешь, как здесь весело. Жизнь просто бьет ключом. Я тебе тут такого принца приглядела, закачаешься! Сидит один в гордом одиночестве. Смотрит куда-то вдаль. Видимо, тоже какие-то цифры в уме

гоняет. Ждет, когда ты приедешь.

– Ой, Натуля, нагородила ты... сама не знаешь чего.

– Знаю. Я все прекрасно знаю. Я хочу сказать тебе о том, что сейчас у нас есть реальный шанс выйти замуж.

– Замуж?!

– Замуж.

– Прямо с первого захода?! – я от души рассмеялась, в первый раз за этот мрачный вечер.

– Понятное дело, что не со второго.

– А я думаю, что у тебя есть всего-навсего реальный шанс от души повеселиться и найти незабываемые приключения на свою милую задницу.

– Я тебе еще раз говорю, что сегодня есть реальный шанс устроить свою личную жизнь. Хватит с голоду подыхать. Зима на носу. Можно раз и навсегда поправить свое шаткое финансовое положение.

– Ой, Натуль... А мне что-то замуж на одну ночь совсем не хочется.

– Где одна ночь, там и вторая. Все зависит от того, как себя поведешь. Можно принцу такую ночь показать, что у него разум окончательно съедет. Улетит, что не найдешь.

– А зачем тебе принц без разума нужен?

– Смотря какой разум. Главное, чтобы он у него только в нужном – финансовом! – направлении работал.

– Ната, ты меня не жди. Отдыхай. Я тебе завтра позвоню.

– Как знаешь. Ладно, если надумаешь, приезжай. Мой

ненаглядный уже по телефону поговорил и ко мне идет.

– Удачи тебе.

– Спасибо.

Сунув мобильный в карман, я сразу обратила внимание на то, что у Ильи крайне заинтересованный вид, и произнесла не без упрека в голосе:

– Между прочим, подслушивать чужие разговоры нехорошо.

– А куда я, по-твоему, должен был испариться, если ты при мне говорила?! Может быть, мне нужно было уши заткнуть?

– А почему бы и нет? Мог бы и заткнуть. Это нетрудно.

– Это тебе нужно было уйти в другую комнату.

– Моя дача. Где хочу, там и разговариваю. Еще не хватало, чтобы я на своей собственной даче куда-то уходила.

Уловив по моему тону настроение хозяйки дома, Илья спросил более вежливым голосом:

– Кто звонил?

– Зачем ты спрашиваешь, если все равно не знаешь?

– Любопытно.

– Излишнее любопытство – очень плохая черта характера.

– А я никогда и не настаивал на том, что я идеальный. И все же... Ты не ответила на мой вопрос.

– Моя близкая подруга.

– Я смотрю, она тебя постоянно звонками долбит.

– Она звонит, а не долбит. Что еще за выражения?!

– А мне показалось, что долбит.

– Переживает, чтобы я не умерла от тягостного одиночества. Она сейчас на «Брюсове». Зовет меня к себе.

– А ты?

– А что я? Я же не могу сказать ей о том, что у меня на даче раненый лежит. Да я еще и сливы не собрала.

– Она у тебя путаной, что ли, работает?

Я тут же изменилась в лице и посмотрела на своего нового знакомого уничтожающим взглядом:

– Ты что такое говоришь?! Ты отдаешь отчет своим словам?!

– Да. А что, разве плохая профессия?

– Кому как. Моя подруга Наталья в магазине косметики работает.

– Тогда что она на «Брюсове» делает?

– Мужа ищет, – не моргнув глазом ответила я.

– А что, там с ходу замуж берут? Что-то я про такие единичные случаи не слышал.

– Бывает иногда. Это я так образно сказала. Просто она поехала туда с соседкой – отдохнуть, расслабиться. Ставки какие-нибудь сделать, караоке попеть. Отдохнуть душой, одним словом. И конечно же, найти новое любовное приключение или просто завести романтическое знакомство.

– Ты забыла сказать – ночное знакомство.

– Насчет ночного – не знаю. Это уж как выйдет, как карта ляжет. Мы все люди взрослые, и иногда в нашей жизни бы-

вают случаи, когда мы убеждаем себя в том, что ничто человеческое нам не чуждо. И вообще, ты как-то узконаправленно мыслишь!

– Что значит «узконаправленно»?

– А то, что только в одном направлении. По одной диагонали и на одну тематику. Подумаешь, девушка повеселиться решила. Ну и что тут такого криминального?

– Криминального ничего.

– Она девушка свободная, ей можно. Ее дома семеро по лавкам не ждут. Правда, ее соседка замужняя, но от мужа тоже отдыхать иногда нужно.

– Отдыхать, говоришь?

– Отдыхать.

– А она что, от него устает?

– Ну ты и вопросы задаешь! Найди хоть одну женщину, которая от своего мужа не устает.

– Представляю, что было бы, если моя жена ночью гудеть на «Брюсов» поехала...

– А ты женат? – я тут же посмотрела на мужчину с нескрываемым интересом.

– Разведен.

– Неудивительно. С такими принципами ты вряд ли когда-нибудь женишься.

– А я и не горю желанием снова лезть в кабалу.

– Быть может, принципы поменяешь, тогда и личная жизнь устроится?

– У меня принципы вполне нормальные, и мужем-лохом я не был и никогда не буду. Так говоришь, твоя подруга работает продавцом косметики?

– Да.

– Сколько же нужно получать, чтобы ставки делать да по дорогим барам гулять? Неужели у нас теперь продавцы так хорошо зарабатывают?

– Ты так рассуждаешь, будто она каждую ночь ставки делает и по барам сидит. Это случается крайне редко.

– Но я понял, что очень даже метко.

– А почему бы и нет?

– Так ты не едешь на «Брюсов»?

– Я же сказала, что нет. Как я тебя одного оставляю?

– Конечно, а то вдруг я твою дачу обворую и старый холодильник вынесу... – усмехнулся мужчина.

– Дурак ты! – пожала плечами я, встала со своего места и направилась в сторону кухни.

– Ты куда?

– Поесть что-нибудь приготовлю. Может, картошки пожарить? Ты будешь?

– А ты умеешь?

Я резко остановилась и посмотрела на откровенно издевавшегося надо мной Илью:

– Так что, жарить картошку?

– Нет, чистить ее, – вновь усмехнулся он.

– Ты сейчас меня доведешь, и я тебя точно в больницу

отправляю! – возмущенно крикнула я и решительно направилась в сторону кухни.

Глава 3

Вернувшись назад в спальню, я увидела Илью спящим. Немудрено: помимо обезболивающего Надежда Ивановна вколола ему и снотворное. Так и не дождавшись позднего ужина, мой невольный гость уснул крепким сном. Выключив в комнате свет, я осторожно подошла к стулу, на котором висели его рубашка и брюки, взяла их в руки и на цыпочках направилась к выходу. Затем почти беззвучно закрыла дверь и вновь направилась в сторону кухни. Я была готова к тому, что Илья может неожиданно проснуться и сразу обратить внимание на то, что на стуле нет его вещей. В таком случае я скажу, что его вещи требуют стирки. В самом деле – на правом плече рубашки ткань побурела от крови, брюки совершенно все в грязи, а в нескольких местах и вовсе порваны.

Первым делом я проверила карманы. И среди так называемых карманных вещей мне тут же попался паспорт. Быстро его пролистав, я задержалась на страничке с семейным положением и обратила внимание на то, что Илья действительно разведен. Причем всего месяц назад, после десяти лет брака. Затем тут же проверила прописку и увидела, что она московская. Теперь я почувствовала себя значительно легче и увереннее. По крайней мере, я установила личность человека, которого сбила и притащила в свой дом, и после озна-

комления с его паспортными данными он перестал быть для меня незнакомцем.

Открыв свою сумку, я тут же достала небольшой блокнот, ручку и на всякий случай переписала все координаты Ильи – фамилию, отчество, номер паспорта и адрес. Признаться честно, я и сама не знала, зачем мне они нужны, но тем не менее нужны... Наверное, внутренний голос подсказал мне, чтобы я это сделала. Положив паспорт на стол, я тут же проверила другие карманы и извлекла из брюк бумажник и несколько разноцветных визиток. На визитках красовались инициалы Ильи, его рабочие телефоны, электронный адрес и должность. Надо же – президент компании «Трэк». Я почти не сомневалась в том, что где-то слышала название этой компании, а само слово «президент» произвело на меня очень даже сильное впечатление. Только мне стало еще более непонятно, как рядом с нашим совершенно обыкновенным дачным поселком мог появиться президент, который в буквальном смысле слова кидается под проезжающие машины. Сунув одну визитку к себе в сумочку, я посмотрела на бумажник и не смогла избавиться от желания в него заглянуть. После ознакомления с бумажником моему удивлению не было предела: в нем лежало ни много ни мало, а целых четыре тысячи долларов. Не могу не сказать – для меня это очень даже большие деньги, и я плохо себе представляю, для каких целей человек может носить с собой подобную сумму. Это что, на карманные расходы? Или деньги на завтраки? Не

слишком ли много?

В тот момент, пока я пересчитывала эту сумму, я ощутила, как сильно у меня вспотели ладони. Взять бы да и опустошить бумажник... В конце концов, от президента не убавится. Если он носит такую сумму как карманные деньги, ее потеря не будет для него особенно болезненной. Он может внушить себе, что растратил деньги на чай с булочками. Можно сказать, что, когда я нашла его на дороге, у него уже не было бумажника. Его просто ограбили. Вполне правдоподобно. Но если Илья проверил содержимое своего бумажника, когда я ходила за врачом... Что сказать тогда? Просто извиниться и отдать деньги законному хозяину? В общем, обычная порядочность заставила меня вернуть деньги туда, где и было их место, – в бумажник.

Сложив содержимое карманов Ильи на холодильник, я пошла на колонку, которая находилась рядом с домом, набрала ведро воды, а потом выстирала испачканные в грязи вещи. Затем повесила их на бельевую веревку во дворе, накрыла себе на стол, включила старенький приемник и принялась ужинать в гордом одиночестве. И это был какой-то уж очень грустный ужин! Мне было ужасно жалко себя. Я попала в совершенно нелепую ситуацию. Мало того, что я сбила человека, да еще не какого-нибудь, а президента компании, непонятно каким образом очутившегося в наших краях... Он ведь, поправившись, может подать на меня иск по поводу того, что я нанесла ущерб его здоровью. Я очень сильно из-

за этого переживала!

Сев на диван, я обхватила голову руками и заревела. Всклипывала и бормотала:

– Господи, ну за что ж мне такое наказание? Как мне все это пережить и вынести? Как?

Ночь оказалась для меня по-настоящему беспокойной. Я постоянно ворочалась, выгоняла из головы различные мысли, которые туда постоянно лезли, и уснула только под утро. Но зато уснула крепко. И это был незабываемый, сладкий и во всех отношениях приятный сон, в котором присутствовало голубое небо, море ярких красок, летних оттенков, детский смех и даже удивительно яркая радуга. И вот этот живописный сон был грубо нарушен. Я проснулась от звука чьих-то настойчивых и громких шагов. Открыв глаза, я лениво зевнула, но тут же заставила себя встать с кровати и выйти из комнаты.

Пройдя на кухню, я почему-то вздрогнула и увидела сидящего на стуле Илью.

– Ты чего? – немного испуганно спросила я.

– Ничего.

– У тебя постельный режим. Тебе ходить нельзя. Ты должен лежать в постели.

– Надо же... Какая ты заботливая! А в туалет я тоже в постели ходить должен?

– В постели лучше не надо, а то я белье не отстираю. Здоровый мужик. Вони много будет.

– А ты на меня памперс надень, – Илья был в своем репертуаре и снова откровенно надо мной издевался.

– И надену. Вот сегодня в аптеку поеду, куплю памперсы для тяжелых лежащих больных и запросто надену, чтобы ты не сидел на стульях. Хотя... Если честно, то это ты должен заботиться о своем здоровье, а не я.

– О моем здоровье должна заботиться именно ты! – голос Ильи стал очень холодным, а его лицо помрачнело.

– С какой это кстати?

– С того, что ты меня сбила.

– Тебе это приснилось.

– Я выходил во двор.

– И что? – я почувствовала сильное напряжение.

Но Илья не ответил. Он встал со стула и направился к выходу. Мне ничего не оставалось делать, как пойти следом за ним. Как только мы подошли к машине, Илья наклонился к капоту, провел по нему рукой, затем заглянул под бампер и злобно сказал:

– Вот тут вмятина, а если заглянуть ниже, то тут есть кровь. Ее даже дождь смыть не смог. Она вниз стекла и засохла. А вот этим местом ты меня ишибанула.

– Какая к черту кровь? Шел сильный дождь.

– Приглядишься, вот тут есть немного. Она вниз стекла.

Я тут же схватила тряпку и стала вытирать засохшую кровь. Когда на машине не осталось ничего, кроме вмятины, я подняла свое покрасневшее лицо и посмотрела на муж-

чину взглядом, в котором читался вызов:

– Где кровь?

– Ты ее вытерла.

– Это была грязь.

– Это была кровь. И теперь она на твоей тряпке.

Бросив тряпку на землю под навес, где стоял мангал, которым я иногда пользовалась, я быстро облила тряпку жидкостью для розжига дров и чиркнула спичкой. Тряпка загорелась мгновенно и превратилась в одно небольшое пламя. Улыбнувшись довольной улыбкой, я тут же подошла к внимательно следившему за мной Илье и спросила:

– Где тряпка?

– Ты ее сожгла, – по его виду было нетрудно догадаться, что он просто опешил от моей наглости.

– Нет тряпки. Не доказательств. И вообще, тебе все приснилось.

Илья усмехнулся, поправил резинку своих семейных трусов и пристально посмотрел мне в глаза:

– Света, а у тебя с головой проблемы давно?

– У меня с головой вообще проблем нет и никогда не было.

– А мне показалось, что у тебя проблемы закоренелые. Любая экспертиза докажет, что ты меня сбила.

– Каким образом?

– Поверь мне, я могу сделать.

– Я не сомневаюсь в том, что ты можешь дать денег кому

следует и оговорить ни в чем не повинного человека. Ты же у нас президент.

– Откуда ты знаешь?

– Я твои вещи постирала. Ты что, разве не заметил, что ты передо мной в семейных трусах стоишь? Вон, твои портки на веревке висят, красуются. Из кармана визитки посыпались. Вот я и прочитала, кто ты такой.

– Значит, рылась в моих документах.

– Вот еще! Я же тебе говорю, что визитки посыпались. А ты что, хотел, чтобы я твои портки вместе с документами постирала? Наверно, мне так и нужно было сделать. И как это я не додумалась.

– А кто дал тебе право стирать мои вещи? – тут же возмутился Илья.

– Да ведь ты весь грязный был и ободранный, как вокзальный бомж. На тебя же смотреть было страшно.

– Так это ты меня своей машиной и выпачкала.

– У меня машина была чистая. Я в мойку ездила недавно, а затем ее дождь помыл. Это ты ее испачкал...

– Надо же, я испачкал твою машину...

– Ты, а кто же еще?!

В этот момент Илья взял меня за ухо и сказал таким голосом, что у меня пробежали мурашки по телу:

– Послушай, красавица. Если ты и дальше будешь ломать комедию, то я не пожалею никаких денег и засажу тебя в тюрьму как миленькую, на хороший срок, чтобы ты поняла,

что все деяния наказуемы.

– Пусти, больно.

Я попыталась ударить Илью по руке, но он сжал мое ухо еще сильнее.

– Ты мне сейчас ухо оторвешь!

– Не переживай. Если я его оторву, то ты его пришьешь.

– Ухо не пришивается.

– В наше время все пришивается.

– Я не президент, и у меня нет столько денег, чтобы делать косметические операции.

– Нужно работать, тогда и будешь президентом.

– А я никогда лодырем не была. Пусти ухо, сказала. Мне больно!

Илья сжалился и отпустил. Я потерла покрасневшее ухо и посмотрела на Илью уничтожающим взглядом:

– Что ты от меня хочешь?

– Чтобы ты сказала мне правду.

– Какую правду? – в моем голосе появились истеричные нотки.

– То, что ты меня сбила.

– Я тебя...

– Я сейчас не только возьму тебя за ухо, но и оторву его.

– Это шантаж и угроза.

– Мне нет разницы. Я хочу выбить из тебя правду любыми путями.

Немного замешкавшись, я еще раз потерла больное ухо и

отвела глаза в сторону:

– А ты не думал о другом варианте? Ну, что тебя никто не сбивал. Что ты сам под машины кидаешься.

– А с чего бы это мне под машины кидаться, если у меня жизнь в шоколаде?

– Вот на этот вопрос я тебе ответить не могу. Может, шоколад горький?

– Не переживай. Сладкий.

Илья взялся за голову – видимо, он почувствовал себя плохо, – подошел к лестнице и облокотился о деревянные перила.

– Тебе плохо?

– Мутит. И капитально.

– Это потому, что ты рано ходить начал. Быстро ложись в кровать, а я за лекарствами съезжу.

К моему удивлению, Илья принял мои слова во внимание и тут же направился в сторону спальни. Как только он лег на кровать, то сразу закрыл глаза, и это не могло меня не напугать.

– Илья, ты чего? Тебе совсем плохо?

– Сейчас пройдет.

– Ты меня не пугай. Если тебе совсем плохо, то ты, пожалуйста, не молчи. Говори.

– А ты что, умеешь бояться? – не открывая глаз, спросил Илья.

– Умею.

– Что-то я не заметил.

– У тебя, наверно, что-то со зрением.

– Послушай, язва! В твоей ситуации нужно сидеть тише воды, ниже травы. Сделай доброе дело: смотайся в аптеку за лекарствами. Ты, наверно, совсем позабыла, что мне требуется лечение.

– Я не позабыла. Просто ты меня отвлек своими непонятными и совершенно беспочвенными подозрениями. И вообще, я тебе уже говорила, что у тебя постельный режим. Но вместо этого ты почти голышом разгуливаешь по дому. Неудивительно, что у тебя голову схватило. Того и гляди загнешься... Но если можно – только не на моей даче!

Открыв глаза, Илья тяжело задышал и вытер выступивший на лбу пот:

– Я думал, ты уже в аптеку уехала.

– Еду.

Выйдя из комнаты, я подошла к зеркалу, причесала волосы, взяла сумочку и направилась в сторону своей машины. В ближайшей поселковой аптеке я купила необходимые лекарства и вернулась на дачу. Зайдя в комнату, я обнаружила, что Илья поднял подушки повыше, держит в руках свой мобильный и нажимает на какие-то кнопки.

– Не знала, что у тебя есть мобильный. Хотя... Ты же у нас президент.

– Мобильные телефоны есть не только у президентов, но и у обычных людей. Ты лекарства купила?

– Купила.

Я высыпала перед Ильей все лекарства на стул и принесла стакан воды, для того чтобы он выпил таблетки, которые прописала ему Надежда Ивановна.

– Послушай, а где мои документы?

– На холодильнике.

– Неси сюда.

– Пожалуйста.

Отдав документы Илье, я слегка фыркнула и повела плечами:

– Деньги в бумажнике, можешь пересчитать. Я, между прочим, даже доллара не взяла.

– Значит, ты туда лазила.

– Ничего я не лазила!

– Тогда откуда ты знаешь, что там лежат доллары?

– А разве президент доверяет рублям?

– Сейчас время такое, что сам не знаешь, чему доверять. Ни деревянному, ни доллару, ни евро. А ты вообще-то завтрак собираешься готовить и меня кормить?

– Ты так со мной разговариваешь...

– Как?

– Как муж.

– Боже упаси! Я бы на такой в жизни не женился!

– А я бы за такого в жизни не пошла! – с ненавистью в голосе произнесла я и пошла на кухню.

– Да кто б тебя взял! Ты на себя в зеркало смотрела? –

донеслось мне вслед.

– Смотрела! – крикнула я уже из кухни.

– И что ты там видела?!

– Красоту неопишемую! – в этот момент мне показалось, что мои нервы окончательно меня покидают.

– Ха-ха-ха... Никогда в жизни не встречал такое страшное лицо!

– Да пошел ты! – сказала я уже более тихо и почувствовала, как меня затрясло. – Тоже мне красавец нашелся. Страшный, как моя жизнь.

Я никогда не считала себя писаной красавицей и совершенно спокойно относилась к своей внешности. Не обязательно быть красавицей, чтобы все окружающие мужчины падали штабелями. Самое главное – уметь себя преподнести и вести себя так, будто весь мир крутится только вокруг тебя, как вокруг оси. И ничего, что мои формы не соответствуют параметрам модели! Если к ним присмотреться, то можно найти в них столько всего соблазнительного. Ведь эти руки так умеют ласкать, а эти губы могут таять в поцелуе. А эти каштановые волосы... Они так рассыпаются по плечам. И пусть никто в жизни не сказал мне, что у меня очень красивые глаза. Ерунда, главное, что в них есть блеск и кураж. Важно выражение глаз. Важна сущность, а не оболочка. Пусть я не топ-модель, зато у меня очень красивая, широкая улыбка, как у настоящей кинозвезды. Эту улыбку я отработывала у зеркала многочасовыми репетициями. Вот ре-

зультат и налицо. В девушке главное не красота, а шарм и уверенность в себе. И я, кстати, никогда не обращала внимания на критику. Я прислушивалась к мнению только близких людей и научилась пропускать мимо ушей мнение толпы. Я никогда не хотела быть одной из этой толпы. Я хотела быть выше ее и мечтала научиться жить так, чтобы не считаться с ее мнением.

Сделав нехитрый салат, я достала из холодильника курицу и приготовила куриный бульон. Затем вновь прошла в комнату и посмотрела на Илью, который по-прежнему держал в руке мобильный телефон – играл на нем в какую-то игру. Увидев меня, он тут же поднял голову и отвлекся от игры.

– У тебя подзарядка есть, а то у меня телефон разряжается?

Я подошла ближе, посмотрела на модель телефона, который держал в руках Илья, и мотнула головой:

– Есть. А ты знаешь, что тебе в игры играть нельзя? – спросила я голосом строгой медсестры.

– С чего бы это?

– С того, что ты зрение напрягаешь.

Илья протянул мне свой телефон, для того чтобы я поставила его на подзарядку, и усмехнулся:

– Надо же... Какая же ты заботливая! Не хочешь в тюрьму... Оно и правильно. Женская тюрьма – страшная штука. Я там не был, но очень много наслышан. А ты что-нибудь про нее слышала?

– Про что? – мне показалось, что у меня потемнело в глазах.

– Про женскую тюрьму.

– Послушай, хватит. Это не смешно.

– А никто и не смеется. Я тебе говорю очень даже серьезно.

Собрав всю свою силу воли в кулак, я постаралась сдержаться от взаимных упреков и перевела разговор на другую тему:

– Тебе завтрак в постель принести?

– А что у нас на завтрак?

– Салат и куриный бульон. Кстати, бульон придает особые силы.

– Тащи прямо сюда. Бульон мне действительно не помешает, а то я окончательно обессилел.

Взяв поднос, я расставила на нем завтрак. Принесла в спальню и поставила поднос на стул рядом с постелью.

– А ты не хочешь за компанию? – всем своим видом Илья показывал, что он голоден.

– Нет.

– А что так?

– Компания не нравится.

С этими словами я вышла из комнаты, взяла ведро и направилась во двор. Пора было заняться тем, ради чего я, собственно, и поехала на дачу, – собирать сливы. Через час непосильного труда я увидела, что к забору подошла Надеж-

да Ивановна. Она поздоровалась и спросила:

– Светлана, я смотрю, у тебя в этом году урожай хороший...

– Не жалуюсь. Хотите, вам слив дам?

– Да мне свои девать некуда. Как там поживает наш больной?

– Наш больной соблюдает постельный режим и ест куриный бульон.

– Куриный бульон – это хорошо.

– Думаю, не за горами тот день, когда он начнет бегать. Скорее бы уже, а то больной мужчина – это такая эмоциональная нагрузка.

– Смотри, чтобы к другой не убежал, – рассмеялась соседка.

Этот вопрос привел меня в минутное замешательство, но я не могла не высказать свое мнение.

– Да пусть катится на все четыре стороны!

– Зачем ты так?

– Надоел уже, – я почувствовала, что просто не могу скрыть свое раздражение по поводу личности, находящейся в моем доме.

– Не стоит так с мужиками. Я своему бывшему мужу при любой ссоре тоже говорила, чтобы он катился на все четыре стороны. А мужики же, они как колобки – не понравилось, дальше покатился, где печь жарче. Так вот, мой и укатился десять лет назад да в другом месте остановился. И сколько

я его ни звала, ни уговаривала, бесполезно. Это я к тому говорю, что в отношениях с мужчинами нужно быть осторожнее. Нельзя перегибать палку, иначе можно потерять то, что имеешь. Обычно начинаешь ценить того, кто был рядом, уже только тогда, когда потеряешь.

– Вы говорите про брак, а у нас совсем другие отношения, – я сделала такое выражение лица, что у моей соседки тут же пропало желание продолжать тему.

– Он таблетки пил?

– Пил. Да вы пойдите его осмотрите. Сделайте укол. Он уже ждет-дожидается, когда утренний врачебный обход начнется.

– Собственно, я за этим и пришла.

Надежда Ивановна пошла в дом, а я продолжила собирать сливы. Признаться честно, сбор слив больше не шел мне в голову, а все мысли были направлены в дом. Я опасалась, что Илья сболтнет что-нибудь лишнее и что это лишнее быстро разнесется по всему дачному поселку. Не выдержав, я все же зашла в дом и прошла в комнату, где моя соседка обследовала Илью.

– Надежда Ивановна, ну, как он? – спросила я, улыбнувшись. – Жить будет?

– Да куда он денется! Влюбится и женится, – весело ответила женщина.

– Капельницу будете ставить?

– Думаю, обойдемся без капельницы. Я ему один внутри-

венный укол сделала и один внутримышечный. Таблетки он пьет. Самое главное сейчас – постельный режим. Если он будет его соблюдать, быстро встанет на ноги.

– Так вы ему это объясните.

– А он что, не соблюдает?

– Гарцует по дому, словно рысак. Не остановишь.

– Какой еще рысак?! – влез в разговор Илья.

– Обыкновенный. Я сплю, а ты ни свет ни заря носишься по двору.

– Я?! – Илья раздул ноздри.

– Ты.

– Да я просто пошел твою машину посмотреть.

– А что на нее смотреть? Ты же прекрасно слышал, что у тебя постельный режим.

– Света совершенно права, – поддержала меня Надежда Ивановна. – Илья, если вы не будете соблюдать предписания врача, то мы вместе со Светой отправим вас в больницу. Со здоровьем нельзя шутить. Вы зря так относитесь к тому, что может иметь самые серьезные последствия.

– Если Света отправит меня в больницу, то я отправлю ее в другое место, где ей тоже будет не сахар.

– Если вы не хотите в больницу, то соблюдайте постельный режим. Это не так тяжело. Вставайте только по нужде, – как-то спешно сказала женщина, словно боялась нашей дальнейшей перепалки. – Света, а у тебя что, телевизора нет?

– Нет.

– Как же так?

– Мне всегда казалось, что на даче незачем иметь телевизор. Самое главное – природа, а телевизор можно посмотреть и в городской квартире.

– Я привыкла к телевизору в любых условиях.

– Так вы на даче все лето живете, а я в основном на выходные наведываюсь. Меня уже три раза грабили. Правда, здесь особенно выносить нечего, но все равно, неприятно – напакают. Так что если бы телевизор и был, то его бы уже давно унесли, – я как-то заметно напряглась и кинула быстрый взгляд на Илью: – Да и не стоит ему большую голову загружать. Ему тишина нужна. При сотрясении мозга ни читать нельзя, ни телевизор смотреть. Ему даже думать нельзя!

– А может, ты мне еще что-нибудь пропишешь? – язвительно заметил Илья.

– Я не врач, чтобы что-то прописывать. А мозги тебе и в самом деле загружать не стоит. Так что расслабься, ни о чем не думай и получай удовольствие от жизни.

Опешивший от моих слов Илья не смог произнести ни единого звука, зато Надежда Ивановна от души рассмеялась и направилась к выходу:

– Ладно, мне пора. На сегодня я свою миссию выполнила. И все же, Света, ты чересчур категорична. Ему действительно не стоит целый день сидеть перед телевизором, но хоть один фильм посмотреть вполне можно. Если есть приемник, можешь ему ненадолго давать, пусть слушает какую-нибудь

передачу. А вот читать ему категорически нельзя. Рано еще.

Вручив женщине деньги, я открыла входную дверь и вышла во двор ее проводить. У самой калитки соседка встала и сказала вполголоса:

– Света, ты сильно не нервничай и внимания на его выходки не обращай. Мужики, когда болеют, жутко вредные и капризные. Хуже маленьких детей. Всю душу вытрясут, пока на поправку пойдут. Так что близко к сердцу не бери и не расстраивайся.

– Спасибо на добром слове.

Глава 4

Я вернулась в комнату, где лежал Илья, со стареньким приемником, который стоял ранее на кухне. Илья с интересом посмотрел на приемник и, прекрасно понимая, что у меня в руках, все же спросил:

– Что это?

– Приемник.

– Ясный пень, что не телевизор, а зачем ты его притащила?

– Тебе радиопостановку какую-нибудь послушать. Но только часовую, не больше.

– Я никакие постановки никогда не слушал и слушать не собираюсь.

– А зря, между прочим, очень даже интересно.

– Кому как. Меня всегда поражали люди с дурными вкусами.

– Да пошел ты!

Поставив приемник на подоконник, я взяла поднос с пустой тарелкой и отнесла его на кухню. Затем вернулась, села на стул, стоящий рядом с Ильей, положила руки на колени и заговорила нервным голосом:

– Илья, пойми меня правильно. Я не могу сидеть с тобой на даче целыми сутками. Мне завтра на работу. Я, конечно, могла бы перевезти тебя на свою московскую квартиру и вы-

хаживать тебя там, но тебя нельзя транспортировать. Вдруг тебе хуже станет. Я не знаю, что придумать и как выйти из этой ситуации. Я уже всю голову себе поломала.

– К чему ты клонишь? – тут же насторожился Илья.

– К тому, что я должна сегодня уехать.

– Что значит – уехать?

– То и значит. Но я буду приезжать к тебе каждые два дня.

– Ты хочешь, чтобы я прохлаждался на этой даче один?

– Я же тебе объясняю – мне нужно работать. Мне нужно зарабатывать деньги, чтобы оплачивать твоё лечение.

– А что, моё лечение так дорого обходится?

– Для тебя, может быть, это смешные деньги, а для меня очень даже ощутимые.

Илья слегка приподнялся, а по его взгляду было нетрудно догадаться, что он весь просто кипит.

– Я что-то не пойму... Ты свалить, что ли, хочешь?

– Ну, я же объяснила тебе ситуацию. Я буду навещать тебя каждые два дня.

– Мне не нужно каждые два дня. Ты должна быть рядом.

– Я работаю.

– Где? Продавцом косметики?

– Я работаю в туристической фирме.

– Тем более.

– Что «тем более»?

– Тем более в тебе нет особой необходимости. Туристы как летали, так и будут летать. Ничего с ними не случится.

Никто не заметит столь мизерную потерю.

– Не скажи. Меня очень ценят на работе, и на мне большая ответственность.

– Еще скажи, что ты незаменима.

– В своем роде, да.

– Девушка, а вы не слишком ли высоко себя цените? – как обычно с издевкой спросил Илья.

– Если я сама не буду высоко себя ценить, то меня вообще никто не оценит. Каждый человек должен поставить себе строгую планку и ни в коем случае ее не снижать. Хоть раз ее снизишь, потом не сможешь ее поднять. И если тебе интересно знать, то я очень хорошо разбираюсь в туристическом рынке и имею вес в этом, на первый взгляд в простом, а на деле очень хитром бизнесе.

– Ну и сиди в своем туристическом бизнесе, пока тебе в нем сидится, а то, если на нары пойдешь, после тебе не только в этот бизнес, но и на любую другую работу вернуться будет нельзя. Я буду сам оплачивать свое лечение. Я дам тебе денег, и ты сейчас поедешь в город. Заедешь на свою работу, возьмешь отпуск за свой счет, чтобы тебя не уволили за прогулы. Что-нибудь придумаешь, чтобы уважительная причина была. Ты девушка умная, врать красиво умеешь. Так что для тебя это будет пара пустяков. Вон как ты мне врешь, что ты меня не сбивала. Будь на моем месте кто другой, он бы тебе, может, и поверил, но у меня работа такая – не доверять людям и видеть их насквозь. После своей работы заедешь в

мой офис и возьмешь ноутбук, который лежит у меня на рабочем столе. А то я без компьютера как без рук.

– Тебе нельзя компьютер.

– Ненадолго можно, вместо твоего приемника.

– А кто мне его даст?

– Я позвоню секретарше и назову твое имя. Она пустит тебя в кабинет и проследит, чтобы ты взяла то, что мне необходимо. Мне нужен компьютер и две пачки дискет, которые лежат в самом верхнем правом ящике моего стола.

– А дискеты зачем?

– Затем, что на них важная документация, которую я должен обязательно просмотреть.

– А если секретарша спросит, где ты?

– Мой секретарь никогда не задает лишних вопросов и исполняет все, что я говорю. На меня работают понимающие люди. С теми людьми, которые меня не понимают и могут задавать какие-либо ненужные вопросы, я не работаю. Таковы мои правила. В общем, поняла? Привезешь компьютер и две пачки дискет из верхнего правого ящика моего рабочего стола. Смотри, ничего не забудь.

Я обратила внимание на то, что Илья изменился в лице, а на его лице появилось властное выражение. Он разговаривал со мной так, как разговаривает большой начальник со своей секретаршей, отдавая ей распоряжения.

– Можешь ехать прямо сейчас, но вернуться ты просто обязана к вечеру. Ты же умная девушка. У тебя есть мозги,

и ты ценишь свою свободу. Учти: если к вечеру не вернешься, то уже на днях будешь сидеть в не столь приятном месте, как твоя дачка. Уж я обязательно позабочусь, чтобы тебе дали хороший срок. В общем, так: если к вечеру ты возвращаешься, проводишь со мной несколько дней, помогаешь мне встать на ноги, чтобы я не чувствовал никаких последствий, в смысле – ухудшения состояния моего здоровья, то я забуду о том, что однажды одна девушка чуть было не убила меня своим автомобилем. Я забуду нашу с тобой встречу, как страшный сон, вычеркну тебя из своей памяти, и каждый из нас продолжит жить своей жизнью.

– А где гарантии?

– Какие гарантии?

– Ну, что после того, как ты встанешь на ноги, ты забудешь меня, как страшный сон, и прекратишь пугать своей дурацкой тюрьмой?

– А какие ты хочешь гарантии? Вручить тебе нотариально заверенное обещание, что я, мол, такой-то и такой-то, обещаю не иметь никаких претензий к девушке по имени Светлана по поводу того, что в один далеко не прекрасный вечер она чуть было не лишила меня жизни, сбив меня своим автомобилем, так что я по счастливой случайности остался жив? Нет уж, придется тебе удовлетвориться моим словесным обещанием: я не засажу тебя в тюрьму и дам спокойно прожить всю жизнь и встретить старость не в стенах какого-нибудь страшного учреждения, при условии, что выпол-

нишь то, что я требую. Придется тебе поверить моему честному мужскому слову.

– Я как-то не привыкла верить мужчинам.

– А я не говорю, чтобы ты поверила мужчине. Я говорю, чтобы ты поверила честному мужскому слову.

– Это одно и то же, – вздохнула я. – Поверить мужскому слову равносильно тому, что нужно поверить мужчине.

– Света, мне кажется, что в той ситуации, которая сейчас сложилась, у тебя просто нет выбора.

– Если бы ты только знал, как я устала от той ситуации, которая сейчас сложилась!

– Ты сама в нее влипла. Тебя в нее никто за уши не втаскивал.

Встав со стула, я сходила в другую комнату, принесла из нее свою сумку и, достав из нее блокнот, приготовилась записывать то, что продиктует мне Илья.

– Говори, где находится твой офис.

– Записывай.

Исправно все записав, я закрыла блокнот и сказала себе под нос:

– Ты, наверно, конкретный богач. Офис в самом центре. Да и название твоей компании я тысячу раз слышала. Ты лечение-то свое оплачивать будешь? Я одна тебя не вытащу.

Не сказав ни единого слова, Илья дотянулся до своего бумажника и достал несколько купюр:

– Вот тебе пятьсот долларов. Надеюсь, этого хватит.

– Конечно, хватит, – я едва смогла сдержать охватившую меня радость. Мои потраченные на Илью средства были просто ничтожны в соотношении с этой суммой. Но я тут же, чтобы не вызвать у него подозрения, сделала серьезное выражение лица и произнесла спокойным голосом: – Лекарства нынче дорогие. Куда цены ползут, вообще непонятно. Скоро анальгин даже на зуб не положишь. Не по карману будет. Какую нужно нынче зарплату иметь, непонятно.

– Тебе что, мало? – тут же по-своему понял меня Илья.

– Нет. Думаю, что как раз уложусь. А если не хватит, я обязательно тебе об этом скажу.

– Да вроде ты лекарства купила недорогие. На них ценники есть, – задумчиво произнес Илья и, не став развивать эту тему, тут же сказал: – Значит, ты должна приехать в мой офис. Сказать охраннику, что идешь к секретарю. Поднимешься к секретарю генерального директора и скажешь, что ты от меня. Только говори, что не по поручению Ильи, а по поручению Ильи Романовича. Не забудь назвать отчество! Это работа, и там свои правила. И еще...

– Что «еще»?

– Если кто-то спросит, где я, скажи, что я временно отъехал по делам и сам сообщу о своем приезде. Смотри не проболтайся, где я, иначе сама себе сделаешь хуже.

– Ты же сказал, что на тебя работают люди, которые не задают лишних вопросов.

– Это я так, на всякий случай предупреждаю. Для стра-

ХОВКИ.

– Понятно. Ладно, я поехала. Поскорее бы ты выздоровел... Так хочется, чтобы ты забыл меня, как страшный сон, чтобы каждый из нас жил своей жизнью и чтобы наши пути никогда больше не пересекались.

– Ты все сказала?

– Все.

– Тогда счастливого пути.

Одевшись, я еще раз заглянула к Илье и попросила:

– Дай мне, на всякий случай, номер своего мобильного. Мало ли... Вдруг мне придется тебе позвонить.

– Я тоже об этом подумал.

Как только мы обменялись телефонными номерами, я перекинула сумку через плечо и вышла во двор к своему автомобилю. Сев в машину, я с тоской посмотрела на окна своего дома и поехала в город. Включив радио и найдя легкую музыку, я постаралась отвлечься от пронизывающих мою голову мыслей и набрала номер телефона своей подруги Натальи. Трубку долго никто не брал, и я уже хотела сбросить номер, по которому звонила, как тут раздался ее голос.

– Натуля, ты что, спишь, что ли? Я тебя разбудила? Ты почему трубку не берешь?

– Светка, мне жить не хочется, – по Наткиному голосу было нетрудно догадаться, что моя подруга только что наплакалась вдоволь, дав волю всем своим чувствам, и теперь находится на грани нервного срыва, если уже не перешла эту

грань.

– Ната, ты что такое говоришь? Что случилось-то? Ты как вчера отдохнула?

– Я еще никогда в жизни так ужасно не отдыхала! – Ната кричала в трубку и всхлипывала.

– Я ж тебе звонила, и у тебя все было хорошо, – я моментально испугалась за подругу и поняла, что с ней случилось что-то серьезное. Несмотря на излишнюю эмоциональность, Наташка всегда отличалась необъяснимым контролем над своей нервной системой, умела держать себя в руках. Для того чтобы она впала в истерику, должны были произойти какие-то действительно печальные и негативные события. – Ты почему рыдаешь? Ну, что такого страшного произошло? Ведь ты же вчера была такая счастливая и веселая... В казино проигралась, что ли?

– Хуже!

– Тебя с работы уволили? – начала я искать причины Наташкиной истерики, но, кроме этих двух причин, мне пока совершенно ничего не приходило на ум.

– Нет! Какая к черту работа?! Я жить не хочу!

– Может, виноват тот принц, с которым ты вчера познакомилась? Ты из-за него плачешь?

– Из-за этой сволочи я жить не хочу! – еще больше стала всхлипывать моя подруга. – Дрянь! Подонок! Идиот! Урод!

– Он тебя бросил? – как можно более осторожно спросила я.

– Да он мне и даром не нужен! Я бы с такой сволочью даже и рядом не села!

– Ага, он пообещал на тебе жениться, а сам сбежал, так и не женившись и позабыв оставить номер своего телефона, – сделала я вывод, напрашивающийся сам по себе. – Наташа, но ведь ты уже взрослая девушка и должна понимать, что мужчины любят многое обещать и редко исполняют свои обещания, – попыталась я выразить свою мысль как можно более деликатным голосом.

– Да пошел он в задницу вместе со своим замужеством! – прокричала в трубку моя взвинченная подруга. – Я с таким уродом встречаться больше не хочу, а ты говоришь – замуж...

– Тогда я не пойму. Что он тебе такого сделал, что ты не хочешь жить? Не переписал на тебя свой банковский счет?

– Хуже!

– Ну куда уж хуже, – мой голос стал каким-то усталым.

– Он сделал мне в тысячу раз хуже!

– Заразил чем-нибудь? – спросила я как можно тише, несмотря на то что была в машине одна. – У тебя какие-то симптомы? Не паникуй раньше времени. Никакая болячка не может вылезти сразу. Должно пройти хотя бы три дня. Если у тебя что-то есть, то это никаким боком не связано с той инфекцией, которую я имела в виду. Или он сам сказал тебе, что он болен, после того, как все произошло? Бывают и такие случаи тоже. А если честно, то я вообще не понимаю,

как можно не побеспокоиться о предохранении, идя на близость с совершенно незнакомым человеком...

– Ой, да я еще не проверялась!

– Тогда я вообще ничего не пойму. Давай говори. Не трави душу!

– Он меня ограбил! Подчистую ограбил! Эта сволочь все унесла! Все мои сбережения и драгоценности! Все, что было заработано непосильным трудом. А самое главное – он спер наследство, которое у меня осталось от бабушки. Это наши фамильные драгоценности работы самых известных ювелиров. Если бы я их в антикварный салон сдала, то знаешь бы какие деньги получила?! Тебе и не снилось! Говорила мне моя мать, чтобы я такие дорогие вещицы дома не держала, а арендовала в банке ячейку и там их хранила, да только я ее не послушала. Денег было жалко – за ячейку платить. Думала: все равно я посторонних домой не вожу. А этого козла привела. Мы в баре повеселились так, что друг от друга без ума были, и, как многие взрослые люди, решили продолжить наше знакомство в более интимной обстановке, для того чтобы его закрепить. У него дом на Рублевке. К нему дальше ехать, а ко мне быстрее добраться. А нас уже приперло так, что сил не было терпеть. Я выпила немного и просто сгорала от желания узнать, какой он в постели. Да еще и соседку нужно было домой забросить, а то ее муж весь телефон со своими упреками ей оборвал. Весь вечер нам подпортил. Мол, где ты да с кем ты, да если я узнаю, что ты кого-то себе нашла,

то лучше домой не приходи, повешу. Мы уж потом додумались, что нужно ее телефон отключить, чтобы он нас своими звонками не нервировал. Так он стал на мой названивать. Ну никакого житья от него не было. Стал мне жаловаться, что его жена уехала на день рождения, а он не может найти свою пижаму. Пусть она подскажет, где она лежит. Понимаешь, моя соседка специально сказала, будто на день рождения поехала, чтобы он поменьше шипел. В общем, она запереживала, как это ее муж без пижамы спать ляжет, и стала домой собираться. Мой принц вызвался ее отвезти. Так мы и решили: соседку мужу сдаем, поднимаемся ко мне, немного отдохнем, выспимся, а как проснемся, так сразу поедем на Рублевку смотреть его дом. Мне еще нужно было данные своего заграничного паспорта ему дать, потому что мы договорились, что через несколько дней я возьму отпуск за свой счет и мы улетим на Кипр.

Ну вот и поехали. Соседку мужу, мучившемуся бессонницей, сдали. Правда, я была очень удивлена: он, когда дверь открыл, в пижаме стоял, а нас весь вечер дергал по поводу того, что ее найти не может. Он жену прямо на руки подхватил, обнял, как самую большую на свете драгоценность, глянул на меня и на моего принца злобным взглядом и от греха подальше закрыл дверь. А мы с принцем поднялись ко мне, и сама понимаешь, что тут началось. После бурного секса мы упали без сил, обнялись и сразу вырубались. Но перед этим он сказал мне, что такой женщины, как я, у него

никогда не было и что я мечта всей его жизни. Мол, почему бы нам не попробовать вместе перед Кипром пожить. Сказал, чтобы я утром вещи собирала. На Рублевке пока живу. Светлана, я после этих слов глаза закрыла и прослезилась. Думаю, господи, наконец-то ты услышал мои молитвы и послал мне награду за все мои страдания в виде этого прекрасного принца, который поклялся превратить всю мою жизнь в вечный праздник... Неужели теперь я смогу не горбатиться в своем магазине, а бродить по большому дому на Рублевском шоссе и следить за тем, все ли убрала моя домработница и качественно ли приготовил обед повар. Думала, что теперь и ребеночка можно завести, потому что настало время, когда я своему будущему ребеночку смогу дать все, что нужно, для счастливого и беззаботного детства. Я даже вспомнила страшную картинку: я стою за прилавком магазина косметики – вся такая подтянутая, красивая, улыбчивая, ну просто не женщина, а сказка! А в отдел каждую минуту приходят мужчины и выбирают духи своим женщинам, и ни один гад не предложил хоть маленький флакончик мне! Думаешь, мне приятно смотреть на чужое счастье? Особенно когда зайдет какой-нибудь крутой мен со своей каракатицей и просит меня помочь выбрать духи его жене. Сам на меня глазом стреляет, а перед каракатицей стелется. А мне так и хочется сказать: мол, гражданин хороший, да ты хоть ведро самых модных духов на нее вылей, от этого она не будет пахнуть вкуснее и былой аппетит у тебя не проявится. Правда,

знаешь, иногда во мне просыпается женская солидарность. Особенно когда к прилавку совсем молодая девица подойдет с дедулей, у которого явно внуки старше этой девицы. Я тогда ей столько духов надаю и дедуле начинаю промывать мозги, что красота в наше время вещь дорогая. Да и не только красота, но и молодость тоже. Дедуля кряхтит, сопит, но платит. А я смотрю на девицу пристальным взглядом и даю ей понять, что она своего бойфренда не в тот магазин привела. У нас в соседнем здании находится автомобильный салон. Вот куда его вести надо...

Поняв, что Наташку понесло в сторону и сама она не остановится, я попыталась добиться от нее хоть какой-то конкретики и перебила на полуслове:

– Натуля, ты отошла от темы. Рассказы о посетителях твоего косметического отдела я слышу почти каждый день. Вы легли спать... и что дальше-то?

– Я это к тому рассказала, чтобы ты поняла мой образ жизни. Мою душевную боль, когда я стою у прилавка. Я хочу, чтобы ты поняла, какие надежды я возлагала на новое знакомство, какие планы имела и как мне вдвойне больно после всего, что произошло. А у меня сейчас душа рвется на части!

– Я это уже поняла. Так что произошло? Хотя в общем-то я уже догадалась. Ты сама уже почти сказала.

– А дальше был кошмар. Я просыпаюсь, ищу рукой по постели, – еще громче заревела Наташка, – а там шаром пока-ти. Ни Рублевки тебе, ни Кипра, ни домработницы и ни по-

вара. А самое главное – ни бабушкиного наследства, ни моих сбережений и ни моих драгоценностей! Все смел подчистую!

– Ты в милицию заявила?

– Заявила, а толку-то что?

– Что они говорят?

– Прочитали мне мораль о том, что нельзя приводить в дом незнакомых мужчин и вступать с ними в интимные отношения. Ведь я только имя его знаю, да и то оно, наверно, липовое. Илья с Рублевки.

– Илья? – от знакомого имени у меня учащенно забилося сердце.

– Да, Илья с Рублевки.

– Надо же. Именно Илья и именно с Рублевки?!

– А что тебя так насторожило?

– То, что на первый взгляд имя довольно редкое, а как будто всех знакомых зовут именно этим именем... Звучит прямо по-барски – Илья с Рублевки...

– Да и какая к черту Рублевка?! Эта Рублевка у него только на языке была, а так я по поводу его личности вообще никакими координатами не обладаю! Номера машины я не запомнила, номер телефона он мне не дал. Зачем, если мы утром к нему в дом собирались? Я вообще про него ничего не знаю. Ни где работает, ни чем занимается! Может, он на этом «Брюсове» и не покажется больше никогда. Он же не дурак... Такой куш оторвал! Бабушкино наследство тысяч в шестьдесят долларов оценить можно, плюс мои безделушки

и сбережения на черный день. Короче, на шестьдесят пять тысяч долларов я попала. Светка, если бы ты только знала, как мне жить после этого не хочется... Как вообще дальше после этого жить?

– Наташка, то, что произошло, действительно ужасно, но не стоит того, чтобы взять и расстаться с жизнью. Я только знаешь, что не пойму...

– Что?

– Когда ты мне вчера звонила, то говорила, что этот принц очень даже состоятельный, что у него бриллианты отовсюду падают. Так как же такой богатый человек, по твоим словам, воровством промышляет?

– Так оно и было. Одет из дорогого мужского бутика. Телефон не замолкает – он все сделки какие-то решал.

Внешне – как богатый принц с картинки. Деловой до жути!

Ему каждую минуту какие-нибудь партнеры звонили. Я еще подумала, что он на павлина похож. Хвост распушил, грудь белоснежную с дорогим галстуком и бриллиантовой заколкой вперед выпятил... «Ролекс» поправит и все что-то считает и считает... Я же еще тогда пошутила, что у него не голова, а калькулятор. Вот тебе и калькулятор... который работает совсем в другом направлении. А если бы ты видела его «Мерседес», похожий на летающую тарелку, ты бы просто не поверила своим глазам. Красота, словами не описать. И ведь он не сам за рулем, а с водителем. Сказал, что у него

еще охранник есть, только он его отпустил, потому что у него маленькая дочка заболела. Страшная нынче жизнь пошла! Если «новые русские» грабежом занимаются, то что можно говорить о других слоях мужского населения? Может, у него болезнь такая – kleptomания? Это когда тебе что-то без надобности, но ты это все равно своруешь, потому что твоя душа того просит. Своруешь, и тебе потом хорошо и спокойно становится.

– Нет, Натуля. Учись смотреть правде в глаза. Ты познакомилась с профессиональным вором, который обворовывает таких наивных, одиноких и доверчивых дурочек, как ты. И работает он не один, а в сговоре с напарником, который играет роль его водителя. Куда делась его машина, когда он к тебе поднялся?

– Он водителя домой отпустил. Сказал приехать к двенадцати, для того чтобы отвезти нас на Рублевку.

– Все понятно. Значит, машина где-нибудь у соседнего дома ждала, пока твой вор насытится твоим телом, ты уснешь и тебя будет можно ограбить. Вор, одним словом, совмещающий свою профессиональную деятельность с удовольствиями. Да уж, подружка, дорого же ты заплатила за секс! Очень дорого. Шестьдесят пять тысяч долларов за секс! Это ж с ума сойти!

– И не только за секс, но и за разбитые надежды и иллюзии.

– А как он хоть в постели?

– Как?! Как?! Да я бы гроша ломаного за него не дала. Полный отстой.

– Значит, и там у него глухо. Единственное, в чем он преуспел, так это в воровстве. А все эти понты, сделки по телефону, костюм, часы... лишь атрибуты его работы. Видимо, он работает в основном по богатым дамочкам и подумал, что ты принадлежишь к их числу. Хотя с твоим наследством... Это же целое состояние! Он тебя прощупывал, где ты работаешь?

– Спрашивал, чем я занимаюсь.

– А ты?

– Я сказала, что работаю в области косметологии. Он тогда еще посмеялся и сказал, что я, наверно, хозяйка собственного косметического магазина.

– А ты?

– Сказала, что продавцом работаю, и его это нисколько не смутило, словно чувствовал, что у меня бабушкино наследство есть.

– А ты кому-нибудь про бабушкино наследство говорила?

– Да нет. Только близким людям, и все.

– Ладно, мы с тобой потом эту тему обсудим. Я сейчас в пару мест заеду, а потом к тебе заверну.

– Светка, приезжай, умоляю! Приезжай, а то я просто с ума сойду!

– Но я заеду ненадолго.

– Почему ненадолго? У меня же такая трагедия! Ты про-

сто обязана меня поддержать. Ты что, разве не слышала, что я жить не хочу?

– Будешь ты жить. Куда ты денешься! У меня у самой куча неприятностей. Мне на дачу вернуться нужно.

– Какая дача? Тебе же завтра на работу.

– Я отпуск за свой счет беру. Приеду и все объясню. У нас с тобой просто черная полоса какая-то началась.

Глава 5

Заехав на свою фирму, я наплела с три короба по поводу того, что заболела моя родственница и что мне просто необходимо уехать за город для того, чтобы помочь ей встать на ноги. Написав подробное заявление, я взяла отпуск за свой счет и поехала в центр, в офис компании, которой заведует Илья. Припарковав машину у довольно роскошного здания, выделяющегося на фоне других самым современным и изысканным фасадом, я вышла на улицу, прочитала красивую вывеску с названием нужной мне компании и обратилась к стоящему у входа охраннику, который смотрел на меня подозрительным взглядом:

– Здравствуйте, я по поручению Ильи Романовича. Меня ждет его секретарь. Он ей звонил.

– Как вас представить? – голос охранника был не менее суровым, чем его вид.

– Светлана, – слегка растерялась я и хотела было войти в здание, но охранник тут же загородил вход и произнес одиозное слово:

– Ждите.

Пока он связывался с кем-то по телефону, я пыталась переосмыслить то, что только что рассказала мне Натка, и искренне ее пожалела. Вся эта эпопея с наследством была немного подозрительной, и тут было о чем подумать. Если

кто-то знал о наследстве – вернее, болтливая Натка явно о нем кому-то проговорилась, – то проще всего было вынести все драгоценности, когда ее не было дома, чем знакомиться с ней в баре, засвечивать свою внешность и ехать к ней домой. Ее удобнее было обворовать в тот момент, когда она была на «Брюсове», ситуация была больше чем подходящая.

Неужели этот «Илья с Рублевки», или как там его зовут, получил свою добычу совершенно случайно? Это же как выигрыш в казино – сделал ставку на нужную женщину. Но между прочим, драгоценности фамильные, и их не так просто будет продать, ведь их уже объявили в розыск. Так что вполне вероятно, что Наткин «принц» попадется на продаже. Хотя... Вполне может быть, что сам он всего лишь вор, а реализацией награбленного займется кто-то другой. Вообще-то, если сильно постараться, можно продать украшения так, что они нигде не всплывут, не засветятся и навсегда останутся в руках у своих новых хозяев, у тех, кто их купит. Как говорится, было бы что продавать, а уж как это продать, не проблема.

– Заходите, – суровым голосом перебил мои мысли охранник. – Второй этаж. Последняя дверь налево.

Поднявшись на второй этаж, я прошла мимо еще одного грозного охранника и, открыв указанную дверь, попала в приемную. За столом сидела молоденькая девушка с пухлыми чувственными губами, ярким макияжем и безумно красивыми волосами, словно с рекламы какого-то модного шам-

пуня.

– Здравствуйте. Я от Ильи Романовича, – улыбнулась я своей широкой улыбкой разглядывающей меня девушке и пошла навстречу красавице.

– Вы Светлана? – спросила она.

– Да.

– Проходите, пожалуйста. Шеф мне звонил.

Встав со своего места, девушка тут же продемонстрировала свои длинные ноги, едва прикрытые чересчур короткой юбкой, подошла к двери и открыла ее нараспашку.

– Проходите. Это кабинет Ильи Романовича.

Я зашла в довольно просторный, со вкусом обставленный кабинет и почему-то сразу подошла к большому панорамному окну, из которого был виден исторический центр Москвы.

– Вам нравится? – с интересом спросила меня девушка-секретарь.

– Прямо дух захватывает.

– Илья Романович может стоять здесь часами. Он долгое время искал под свою компанию такое здание, чтобы весь центр был виден как на ладони. Особенно эти купола. Вы только посмотрите, как они переливаются на солнце.

– Я даже забыла, что пришла по делу. Так бы все стояла и смотрела...

– А вас никто и не торопит, – пошутила девушка, не отводя от меня цепкий и критический взгляд.

– Я не могу вас задерживать, вам нужно работать, – вздохнула я и повернулась к окну спиной.

Затем я подошла к большому письменному столу, за которым, видимо, и сидел обычно Илья Романович. Я взяла ноутбук и, отодвинув кожаное кресло, открыла верхний правый ящик стола. Девушка-секретарь строго следила за моими действиями и с любопытством меня рассматривала. И в этом любопытстве читалось какое-то женское соперничество, которое выражалось в каждом ее взгляде и жесте.

– Илья Романович сказал мне взять две пачки дискет, – на всякий случай поставила я девушку в известность.

– Конечно. Он мне об этом сказал, – кивнула она.

Достав две пачки дискет, я остановила взгляд на красивой фотографии, которая стояла в резной рамке на рабочем столе Ильи. На фотографии была изображена симпатичная молодая женщина в ярком цветастом купальнике, сидящая на берегу моря. Обычно у себя на столе держат портреты и фотографии дорогих и близких сердцу людей, чтобы всегда смотреть на их любимые лица и таким образом ощущать их присутствие. Глядя на эту фотографию, нетрудно было догадаться о том, что Илью в жизни окружают только красивые женщины. Девушка с фотографии, девушка-секретарь... Что ж, такой обеспеченный мужчина, как Илья, может себе позволить подобную слабость.

– Красивая женщина. Правда? – с улыбкой спросила девушка-секретарь.

– Интересная. Это супруга Ильи Романовича?

– Да нет, что вы! Илья Романович уже давно не живет со своей женой. Правда, официально он развелся совсем недавно, но не живут они уже долгое время. Портрет жены Ильи Романовича не стоит здесь уже года полтора. Хотя не буду лукавить, она очень красивая женщина. Вернее, очень ухоженная. Оно и понятно – при таком муже грех за собой не ухаживать. Знаете, на столе моего шефа обязательно стоит портрет какой-нибудь красивой девушки, но меняются они с завидной периодичностью. Такой мужчина, как Илья Романович, может себе это позволить. Это его новая пассия. Фотография стоит уже месяца три. Можно сказать даже, что она задержалась дольше всех предыдущих. Девушка пару раз приезжала к нам в офис... Простите, а вы Илье Романовичу кем приходитесь? – в глазах девушки проявилась обида, смешанная со жгучей ревностью. Видимо, она устала ждать своего звездного часа в отношениях со своим любвеобильным боссом.

– Не переживайте. Мой портрет не появится на этом столе. Я не могу конкурировать с настоящими моделями. Я всего лишь обычная женщина, которая никогда не была писаной красавицей и не строила особых иллюзий по поводу своей внешности.

– Вы так критично к себе относитесь?

– Я просто смотрю правде в глаза. Однако это не значит, что у меня низкая самооценка. У меня есть жизненный

драйв и блеск в глазах, а это не менее ценные качества, чем природная красота.

– А вы мне очень симпатичны.

– Вы мне тоже. Кстати, а вот у вас есть природная красота.

Надеюсь, вы умеете ею пользоваться?

– Я стараюсь. Но у меня проблемы с жизненным драйвом и блеском в глазах.

– А над этим нужно поработать. Я думаю, у вас все получится.

– Ваши слова вселили в меня надежду.

– Не переживайте. Я всего лишь знакомая Ильи Романовича. Нас нельзя назвать даже друзьями. Мы просто знакомые.

– Я не переживаю. Вы простите меня за мою бестактность.

– Я ее уже не помню.

– Возьмите сумку от компьютера. Так его будет легче нести. Вы можете повесить ее на плечо.

Девушка-секретарь положила сумку на стол, уложила в нее компьютер и принялась закрывать замок. Она была так грациозна в движениях, что я не могла ею не залюбоваться.

– Сюда же положим и дискеты.

– Спасибо, – кивнула я, продолжая наблюдать за секретаршей. Ни с того ни с сего мне пришла в голову совершенно дурацкая мысль: состоит ли Илья с этой девушкой в близких отношениях? Наверно, просто невозможно видеть такую красоту каждый день и ни разу к ней не притронуться. Илья

же живой человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Значит, скорее всего он спит со своей секретаршей. А как же девушка с фотографии? Моментально опомнившись, я устыдилась собственных мыслей и подумала о том, что я лезу в те вопросы, которые совершенно меня не касаются. Никаким боком! А мужская верность – понятие абстрактное, особенно для обеспеченного мужчины, не связанного брачными узами. В конце концов, Илья не вызывает во мне никаких чувств, кроме раздражения и даже какой-то злости за то, что он появился в моей жизни в тот момент, когда я ждала его меньше всего, и создал те проблемы, которые мне придется расхлебывать довольно долгое время.

– Готово! – девушка протянула мне компьютер и еще раз оглядела меня с головы до ног с нескрываемым любопытством. – Хотите кофе? – спросила она вкрадчивым голосом. Видимо, мои слова вселили в нее надежду и ей не терпелось познакомиться со мной поближе и немного пооткровенничать.

– Я бы с удовольствием, но тороплюсь.

– Искренне сожалею. Мне было бы очень приятно, если бы вы составили мне компанию.

– Извините. Как-нибудь в следующий раз, – я внимательно посмотрела на девушку и произнесла дружелюбным голосом: – Побольше блеска в глазах, побольше куража, и я уверена, что вы добьетесь любой цели.

– Спасибо, – девушка одарила меня благодарным взгля-

дом и открыла мне дверь.

Перекинув сумку с компьютером через плечо, я еще раз поблагодарила девушку за оказанную мне помощь и вышла из кабинета Ильи. Спустившись по лестнице под чутким взглядом охранника, я вышла из здания и, встав рядом со своей машиной, посмотрела на веранду японского ресторана, который находился через дорогу. Я и сама не могла понять, почему направила свой взор именно в эту сторону, ведь я никогда не была поклонницей японской кухни. Возможно, я посмотрела туда потому, что почувствовала чей-то пристальный взгляд. Хотя... Может быть, я ошибаюсь.

Открыв дверцу, я положила на заднее сиденье компьютер и уже хотела сесть за руль, но все же зачем-то еще раз посмотрела на все ту же летнюю веранду японского ресторана. Посмотрела и почувствовала, как начинаю по-настоящему задыхаться, и от нехватки кислорода у меня со страшной силой потемнело в глазах. Дело в том, что за одним из столиков японского ресторана сидел... Илья. Сидел и откровенно меня разглядывал.

Сначала я подумала, что мне померещилось. Неужели я и правда медленно, но верно схожу с ума? Да нет же! Я еще раз внимательно пригляделась и спустя минуту уже не сомневалась в том, что за столиком летней веранды сидел не кто иной, как именно Илья. Он был одет в черную футболку, которая просто идеально подчеркивала его красивую фигуру, а на лбу у него были приподняты стильные, широкие оч-

ки от солнца. Наверно, для того, чтобы получше меня разглядеть. Некоторое время я стояла как вкопанная, боясь даже пошевелиться. То, что я видела, никак не укладывалось у меня в голове и не вызывало у меня совершенно никаких мыслей. А затем у меня почему-то задрожали руки. Но все же я смогла собрать свое самообладание. Я щелкнула сигнализацией и, словно в тумане, направилась в сторону японского ресторана.

Перейдя дорогу, я подошла к столику, за которым сидел Илья, и, стараясь принять как можно более безразличный вид и унять дрожь в голосе, как бы между прочим бросила:

– Привет.

– Привет, – тут же поздоровался со мной Илья.

– Давно не виделись.

– Давно.

– Ты что тут делаешь?

– На тебя смотрю.

– Забыл, как выгляжу?

– Вспоминаю.

– Не изменилась?

– Да нет.

Илья кивнул и посмотрел на меня с таким интересом, словно видел в первый раз в жизни.

– А ты что здесь делаешь?

– Как это «что»? Ты же сам послал меня в свой офис за компьютером!

– Ну и как?

– Что «как»?

– Ты его взяла?

– Ты же прекрасно видел, что я только что положила его в свою машину.

Стараясь унять нервную дрожь, я окинула Илью ничего не понимающим взглядом и, махнув официантке рукой, заказала себе стакан пепси.

– А ты хорошо выглядишь для больного. Голова, я смотрю, совсем не кружится.

– Для больного? – Илья сделал вид, что не понял, о чем я.

– Ну да. Словно у тебя никогда и не было сотрясения мозга. Переоделся где-то... Послушай, а на чем ты сюда приехал? Почему сидишь в этом кафе? Зачем вообще ты меня сюда посылал? Я что-то ничего не пойму. Может, ты мне что-нибудь объяснишь? Может, ты и не болел вовсе?!

Не выдержав, я перешла почти на крик и почувствовала, как на нас стали обращать внимание люди, сидевшие за соседними столиками.

Илья попытался сгладить обстановку и, оглядевшись по сторонам, взял меня за руку:

– Послушай, прекрати кричать. Мы не одни. Что ты от меня хочешь?

Его вопрос окончательно выбил меня из колеи, и я почувствовала себя еще хуже.

– Что я от тебя хочу?..

– Действительно, что ты от меня хочешь? – спокойствию Ильи оставалось только позавидовать.

– Это ты от меня чего-то хочешь. Так что тебе от меня нужно?

– Ничего. Я приехал в ресторанчик, потому что соскучился по японской кухне. Сижу, наслаждаюсь суши. Вдруг влезаешь ты и начинаешь на меня кричать.

– Все так просто?

– А зачем все усложнять? Что я тебе сделал плохого?

– И ты меня еще спрашиваешь?

– А что, я не имею права спросить? Прежде чем публично кричать, ты объясни, что случилось.

– Ты послал меня к себе в офис, предварительно напугав тюрьмой, а сам в прекрасном расположении духа поехал следом за мной. Значит, ни черта ты не болел, а был здоров, как бык. Наверняка на тебе пахать можно, а я, как дура, тебе бульончик варила, соседку на ноги подняла... Боялась непонятно чего... И в твою компанию за компьютером поехала, и отпуск за свой счет взяла! Одним словом, возилась с тобой непонятно зачем. Ты думаешь, мне заняться нечем? Да у меня дел выше крыши и жизнь бьет ключом! А ты в эту жизнь влез и перевернул все кверху дном. Разыграл из себя тяжелобольного... А ведь я тебе и вправду поверила! И зачем я только с тобой столько времени возилась?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.